

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

*Поражающий
агент*

Фридрих Евсеевич Незнанский

Поражающий агент

Серия «Марш Турецкого»

From FIDO

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138434

Поражающий агент: АСТ, КРПА "Олимп"; 2002

ISBN 5-17-014909-3, 5-7390-1162-0

Аннотация

В аэропорту Шереметьево-2 терпит аварию пассажирский самолет. В обстоятельствах этой катастрофы пытается разобраться следователь Генпрокуратуры Александр Турецкий. Под обломками Ту-154 найден контейнер с опасным вирусом, способным вызвать тотальную эпидемию смертельной болезни в кратчайшие сроки. Что это: преступная халатность, роковое совпадение или злой умысел? Отрабатывая разные версии, Турецкий приходит к выводу, что прямое отношение к этой трагедии имеет загадочное исчезновение выдающегося ученого-биолога Николая Баткина накануне его поездки в Швецию за Нобелевской премией.

Содержание

Пролог	4
Часть первая	6
Часть вторая	92
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Фридрих Евсеевич Незнанский Поражающий агент

Пролог

Держись подальше, мальчик, – против ветра. Черт возьми, боюсь, как бы не нанесло заразу ветром. У твоего папы черная оспа – вот что, мальчик, и ты это прекрасно знаешь. Что ж ты нам сразу не сказал?

Хочешь, чтобы мы все перезаразились?

Да, – говорю я, а сам всхлипываю, – я раньше всем так и говорил, а они тогда уезжали и бросали нас.

Бедняга, а ведь это, пожалуй, правда. Нам тебя очень жалко, только вот такая штука... Понимаешь, нам оспой болеть не хочется. Слушай, я тебе скажу, что делать. Ты сам и не пробуй причалить к берегу, а не то разобьешь все вдребезги. Проплывешь еще миль двадцать вниз по реке, там увидишь город на левом берегу. Тогда будет уже светло; а когда станешь просить, чтобы вам помогли, говори, что у твоих родных озноб и жар. Не будь дураком, а то опять догадаются, в чем дело. Мы тебе добра хотим, так что ты уж отъезжай от

нас еще миль на двадцать, будь любезен.

Марк Твен.

Приключения Гекльберри Финна

Сегодня в 21.41 в районе аэропорта Шереметьево-2 потерпел катастрофу пассажирский самолет Ту-154, следовавший плановым транзитным рейсом SU-572 Москва – Новосибирск – Сеул. Самолет едва успел подняться в воздух, как снова рухнул на землю. Сначала раздался взрыв, а затем авиалайнер развалился на части.

На месте происшедшей трагедии работает специальная комиссия. Ведутся поиски так называемого черного ящика – устройства, которое фиксирует все события на борту самолета.

Московская транспортная прокуратура возбудила уголовное дело по факту авиакатастрофы по статье 263 части 3 УК РФ (нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного или водного транспорта).

На борту находились 149 пассажиров и 6 членов экипажа. По неуточненным пока данным, все они погибли.

ИТАР-ТАСС

Часть первая

ТУРЕЦКИЙ

Окна были зашторены, на плите приятно шкварчала поджаривающаяся картошечка, которую были готовы дополнить маринованные огурчики, поджаренная свининка и ровно сто граммов пшеничной, не больше и не меньше. Это был уютный семейный вечер. Ирина Генриховна Турецкая смотрела телевизор. Александр Борисович Турецкий читал «Спорт-экспресс». Только он не переворачивал страницы, а нажимал на клавиши. Турецкому на работе выделили ноутбук, и теперь он упивался самостоятельной компьютерной жизнью. Это была не бог весть какая машинка, но Турецкому, только недавно, по большому счету, открывшему для себя Интернет, ее вполне хватало. У Дениса Грязнова в «Глории» имелся гениальнейший компьютерщик всех времен и народов по имени Макс, с помощью которого Турецкий проходил ликбез. Слова вроде «хакер» и «юзер» уже не нагоняли на него мистический ужас.

Чем, собственно говоря, хакер отличается от юзера? (Хакер, как известно, — взломщик, юзер — пользователь, словообразование происходит от английского корня «юз» — пользоваться; когда Турецкий уловил эту простенькую стратегию, многие вещи, казавшиеся совершенной абракадаброй, вдруг

волшебным образом прояснились. Смотри в корень, прав был старина Прутков!) Так вот, хакер подбирает пароль с третьего раза, а юзер – с пятого. На пятом десятке не все дается мгновенно, хорошо, что вообще дается, теперь эта шутка Турецкого искренне веселила.

Для начала он, как и положено начинающему пользователю, от души полазил по порносайтам. Через какое-то время надоело. На прочие сетевые развлечения времени особенно не было, и он уже расстроился было от своей профнепригодности, но тут открыл для себя, что у большинства крупных печатных изданий существуют электронные версии. И через неделю-другую здорово подсел на это дело, газеты теперь вообще перестал покупать.

Сейчас Александр Борисович читал:

«Жак Рогге выразил сомнение в том, что обычные меры в борьбе с применением допинга в состоянии изменить сложившуюся обстановку вокруг...»

Ирина Генриховна слушала телевизор:

«Лауреаты Нобелевской премии были названы в начале октября во время традиционной нобелевской недели, как это и происходит последние сто лет. В этом году высокой чести удостоились шестнадцать человек и одна организация. Премию мира присудили Международному олимпийскому комитету, от имени которого ее принимал бельгиец Жак Рогге...»

На этом месте Турецкий поднял голову и посмотрел в те-

левизор. Действительно, Жак Рогге. Господин Рогге прославился в России, когда во время зимней Олимпиады прислал письмо нашему президенту, в котором перепутал его инициалы.

Турецкий посмотрел другие газетные полосы и позвонил Грязнову:

– Славка, смотри, что я нашел. «Согласно данным официальной статистики ЦИТО, одинокие мужчины гораздо чаще и раньше умирают от различных заболеваний по сравнению с женатыми. Цифры говорят, что для одинокого мужчины старше 45 лет риск ранней смерти повышается на 23%».

– Иди к черту, – сказал Грязнов. – Я смотрю нобелевских лауреатов по ящикам.

– А еще... – не унимался Турецкий. Впрочем, все это он говорил уже в никуда, потому что Грязнов положил трубку.

Что же там такое про лауреатов в самом деле, что все так смотрят?

«...Остальными лауреатами стали: три японца, два немца, восемь американцев, один итальянец, один немец, один англичанин индийского происхождения и, наконец, наш соотечественник Николай Баткин...»

– Ура! – подпрыгнула Ирина Генриховна.

– Ура-ура, – покосившись на нее, подтвердил Турецкий.

"...История Нобелевских премий началась 27 ноября 1897 года, когда старый и больной шведский пиротехник Альфред Нобель подписал свое знаменитое завещание. В

нем изобретатель нитроглицерина написал, что отдает все свои деньги на премии тем, кто за истекший год принес наибольшую пользу человечеству. Альфред Нобель выделил пять направлений, по которым должны присуждаться премии, – химия, физика, физиология и медицина, литература, премия за укрепление мира. Первые Нобелевские премии были вручены 10 декабря 1901 года.

С тех пор Нобелевский комитет, созданный в 1900 году, не расширял и не сужал рамки своей деятельности. Единственное исключение было сделано после предложения Шведского банка, в котором хранятся деньги Нобеля. В 1968 году Шведский банк по случаю своего 300-летия предложил выделить деньги на премию по экономике, и Нобелевский комитет принял на себя обязательство по их распределению. Официально именуемая как премия по экономике памяти Альфреда Нобеля, впервые она была присуждена в 1969 году.

Сама награда представляет собой золотую медаль с изображением Альфреда Нобеля, почетный диплом лауреата и чек на денежную сумму. Ее размер зависит от средств Нобелевского фонда на текущий момент (в прошлом году эта цифра составила \$980 тысяч, что, между прочим, многократно превышает суммы пятидесятилетней давности)..."

– Миллион долларов, Саша, – вздохнула Ирина Генриховна.

– Миллион долларов, – кивнул Турецкий.

– Ты так равнодушно говоришь, как будто держал их в руках.

– Ну, – сказал Турецкий, – если честно, то вчера. Нет, вру, позавчера.

Ирина Генриховна ошарашенно посмотрела на супруга. Турецкий как Турецкий. В турецком, между прочим же, свитере – за шестьдесят долларов.

– Слава арестовывал одного деятеля, проходившего у меня свидетелем по одному делу, ну и...

– А, – разочарованно протянула Ирина Генриховна, – ну это не то.

– А что было бы то? Если б я банк грабанул? К нам тут из итальянской прокуратуры приезжали, рассказывали про одного такого...

– Дай послушать, ладно...

– Да ради бога. – Турецкий снова уткнулся в компьютер.

"...Этот почти миллион долларов может быть распределен между тремя победителями (максимальное число лауреатов по одной номинации). За сотню лет вручения Нобелевских премий их лауреатами стали более 500 человек. Примечательно, что среди американских нобелевских лауреатов очень много выходцев из России, принявших американское гражданство.

Что касается собственно российских и советских ученых, то они получали Нобелевские премии 16 раз. Предпоследним лауреатом от СССР стал Михаил Горбачев, который

в 1990 году получил премию мира, последним – директор Санкт-Петербургского физико-технического института имени Иоффе Жорес Алферов. И вот наконец новая победа!

Престижную награду в области медицины и физиологии получил выдающийся российский ученый Баткин – за открытия в области клеточного процесса, которые могут быть использованы для лечения инфекционных заболеваний и за создание вакцины против нового вида оспы..."

– Bravo, Николай Львович! – захлопала в ладоши Ирина Генриховна.

– Слушай, я не пойму, откуда столько радости?

– А простой патриотизм ты не допускаешь?

– Простой – допускаю, но ты как-то странно себя ведешь. Как будто ты его знаешь, этого Будкина.

– Баткина.

– Ну вот. – Турецкий отключил компьютер. – Ты его знаешь. А откуда ты его знаешь?

– Его внучка в нашей музыкальной школе учится. У меня, между прочим.

– И что, конечно, гениально талантливый ребенок? – ухмыльнулся Турецкий.

– Напротив, на детях гениев природа отдыхает. Слышал про такое? Совершенно бездарный ребенок.

– Сама сказала – на детях, а не на внуках. Говорят, что таланты переходят через поколение.

– Ну не знаю, может, она тоже станет великим физиологом

там или химиком, а я ее музыке учу и...

– Подожди, мы отклонились. Я все равно не понимаю, откуда ты его знаешь. Уж не хочешь ли сказать, что академик Баткин ходит к вам на родительские собрания? А потом долгими зимними вечерами вдумывается в смысл слова «сольфеджио»?

– Не хочу. Просто он часто приезжает за внучкой на машине, однажды мы познакомились, и он пригласил меня в гости.

– И ты была? – насупился Турецкий.

– Была.

– А почему я не был?! – приревновал Турецкий.

– Я откуда знаю? Пьянствовал, наверно, где-то со своим Грязновым, как обычно.

– Только не надо! Между прочим, Слава теперь не пьет.

– Давно ли? – прищурилась Ирина Генриховна.

– Восемь дней, – честно сказал Турецкий.

– А ты?

– А я – семь.

– Все с вами понятно, помалкивай луч... Ой...

– Что такое?

– Саша... Я не уверена... но. Да нет, я уверена. Это не он.

На экране в это время был президент Международного олимпийского комитета Жак Рогге.

– Откуда ты знаешь? – машинально спросил Турецкий.

– Я с ним в машине сидела.

– Чего?! Когда это ты? Ты в своем уме, Ирка?!

– Саша, ты ревнуешь, что ли? Он же старенький уже.

– Кто старенький-то?! – Рогге, на взгляд Турецкого, был вполне ничего себе мужик, холеный, лощеный.

Ирина Генриховна посмотрела наконец на экран и поняла свою ошибку.

– Да не этот же! Я тебе про Николая Львовича говорю, про Баткина.

– Так это ты с ним в машине сидела?! – Турецкий сделал страшные глаза.

Жена засмеялась. Тут, как по заказу, показали Баткина. Турецкий понял причину ее смеха – на экране был эдакий типичный рассеянный профессор хорошо за шестьдесят.

– Вот смотри, – сказал Ирина Генриховна. – Это не он.

– Как это – не он, – возмутился Турецкий, – как это – не он?! А кто тогда, папа римский?! Сказали же – Бат-кин.

– Ну ты прав, конечно, – смутилась Ирина Генриховна. – Я сама понимаю, что там никого другого быть не может. Сказали Баткин, – значит, Баткин.

– Ирка, – сказал Турецкий, – я провел в своей жизни тысячи допросов, неужели ты думаешь, что можешь меня обмануть? Договаривай, что хотела.

– Понимаешь, Саша, – осторожно сказала Ирина Генриховна. – Последний раз Баткин приезжал за Настенькой три дня назад. Я тогда, к сожалению, про Нобелевскую премию ничего не знала, а то бы поздравила, конечно... Так вот, я

видела его как тебя сейчас. У него на щеке была большая и глубокая царапина. Совсем свежая. Я еще что-то пошутила на этот счет. Сколько надо времени, чтобы царапина зажила?

– Ну день; если очень глубокая, может, два.

– А чтобы затянулась?

Турецкий вместо ответа посмотрел на экран. Академик Баткин в числе других лауреатов сидел в первом ряду. Разглядеть царапину с такого расстояния было нельзя.

– Ирочка, – ласково сказал Турецкий, – ты же понимаешь, что это абсурд. Понимаешь?

– Понимаю, – послушно кивнула жена.

– Наверно, его загримировали для такого случая, как-то замазали, может, какой-то пластырь под цвет лица или еще что. Понимаешь?

– Понимаю.

Тут пошли крупные планы нобелевских лауреатов. Наконец камера добралась до Баткина, его лицо было теперь во весь экран. Он действительно выглядел классическим ученым – очень уж фактурная была у дедушки внешность. Косматые седые брови не казались грозными, глаза весело щурились.

Но Турецкого это не забавляло, он приблизился вплотную к телевизору. Нет, никакого пластыря на лице Баткине не было. Царапины тоже, разве что изрядно дедушка бледноват. Но мало ли что на седьмом десятке бывает.

– Ирка, а что он сказал по этому поводу?

– М-мм? – Ирина Генриховна была уже на кухне и снимала картошку с плиты. – Готово. Солить по вкусу.

– Ты сказала, что пошутила насчет царапины?

– А, да. Он сказал: кошка.

...Ночью Ирина Генриховна разбудила мужа. Турецкий испуганно захлопал сонными глазами.

– Саша, – требовательно сказала жена. – Ты мне хотел что-то про Италию рассказать.

– Какую Италию?!

– Ну помнишь, ты говорил, уж не хочу ли я, чтобы ты банк ограбил. Помнишь?

– А... Ну это там один тип...

– Какой тип?

– Ирка, о господи, нашла время... Не знаю я, что за тип, жена у него ушла, и он начал банки грабить. В Турине, кажется, дело было... – Турецкий зевнул и перевернулся на другой бок. Но жена тут же растолкала. – Ну что ты хочешь от меня? Он ограбил двадцать один банк.

– Сколько?!

– Двадцать один. За десять месяцев. В среднем – через неделю. После задержания оправдывался тем, что не смог пережить ухода жены, понятно? Ему понадобились острые ощущения. А арестовали его, только когда по пути с работы домой он в течение часа ограбил два банка. Переборщил, короче. Охране, кстати, он угрожал игрушечным пистолетом... Что еще? – поневоле взбодрился Турецкий. – Да, са-

мое интересное! Он признался, что каждый раз после ограбления прятался неподалеку, чтобы лично наблюдать за приездом полиции. Этот процесс доставлял ему необыкновенное наслаждение, сравнимое только с близостью с женщиной. Утверждал, что адреналин, вырабатываемый в опасном приключении, помогал ему справляться с депрессией. Довольна? Все теперь, я могу спать?

– Вот это мужчина, – мечтательно сказала Ирина Генриховна.

– Чем больше узнаю людей, – пробурчал Турецкий, – тем больше люблю компьютеры...

Как бывало уже не однажды, разбудил не будильник, а телефон. Турецкий еще сквозь сон инстинктивным движением нащупал трубку. Это был Меркулов, что уже само по себе не предвещало ничего хорошего. Заместитель генерального прокурора не станет звонить без четверти семь, чтобы поинтересоваться, что тебе снится, крейсер «Аврора».

– Саша, извини, конечно, – сказал Константин Дмитриевич, – но я сейчас за тобой заеду.

– Костя, – пробормотал Турецкий, – ну дай поспать, а!

– Ты новости вчера смотрел?

Турецкий все-таки проснулся и сел. Мельком глянул на жену – с нее все как с гуся вода.

– Как Нобелевские премии вручали? Видал вроде... – Турецкий зевнул с риском проглотить телефонную трубку.

– При чем тут премии? Самолет вчера в Шереметьеве

упал, неужели не знаешь?

– А... Знаю, читал вчера в газете-ру.

– Где-где?

– Ну в Интернете.

– Ладно, это неважно. Через четверть часа я буду у тебя, побрейся, пожалуйста, поедешь к начальству. – Меркулов повесил трубку.

Турецкий покачал головой. Что-то Костя переработался. То говорит, сейчас приеду, то – сам к начальству поедешь?! Так он же начальство и есть...

Турецкий побрился, принял душ и открыл ноутбук. Последнее его увлечение было – автомобильный гороскоп, который составлялся с учетом его личных астрологических особенностей. Каждое утро он получал очередной прогноз относительно предстоящей жизни на колесах. Сейчас это выглядело так:

«Ваша дорожная жизнь сегодня будет пестра и разнообразна. Попробуйте быть целеустремленным и уверенным в себе. Это во многом облегчит жизнь вам и вашему автомобилю, поможет выбраться даже из самых жутких пробок и найти лучший маршрут в незнакомой местности при отсутствии карты. Хотя карту незнакомой местности (да и знакомой тоже) все же лучше иметь с собой. Гороскоп гороскопом, но лучше перестраховаться».

По дороге в Кремль Турецкий позвонил в МУР:

– Славка, какие новости?

– Какие там новости, – проворчал Грязнов. – Сводку читаю! Куда катимся а? Вот пожалуйста! Тут недавно один крендель – депутат городской думы пожаловался, что почту нерегулярно получает. Но проверили эту почту, а там – дыра оказалась.

– В каком смысле?

– А в буквальном. Вот слушай дальше: «В Строгине несовершеннолетний ограбил почтовое отделение».

– Ну и что? – пожал плечами Турецкий. – Акселерация, обычное дело. У меня в подъезде отроки курят. Если б я не знал, что им по семнадцать, дал бы все двадцать пять.

– Какие семнадцать, – возмутился Грязнов, – какие семнадцать! Да ты послушай, что тут у меня написано. «11-летний ребенок сам разработал и осуществил трудоемкий план ограбления...» Одиннадцатилетний, Саня!

– Интересно. И что дальше?

– Пожалуйста. «В течение нескольких недель мальчик настойчиво долбил стену намеченного здания и в конце концов выдолбил лаз необходимых размеров. Через эту дыру юный преступник проник в помещение почтового отделения по улице Исаковского. По данным пресс-службы управления вневедомственной охраны, сигнал тревоги на пульт дежурного не поступал. Оперативная группа сумела задержать злоумышленника на месте преступления лишь на седьмой его заход в почтовое отделение. Выяснилось, что продавщица ночного киоска, который находится неподалеку, слышала

странные звуки, но не стала сообщать об этом в милицию». Что скажешь?

– Это элементарно. Его действиями, разумеется, руководили взрослые.

– Да?! А вот хрен тебе. Оказывается, мальчишка посмотрел сериал «Граф Монте-Кристо» и загорелся идеей сделать куда-нибудь подкоп. Помимо ценных бандеролей утаскивал и корреспонденцию попроще, большой любитель читать оказался.

Турецкий захохотал.

– Чего ржешь, это еще не все, – разозлился Грязнов. – Знаешь, что он на допросе сказал? «Классное кино, – говорит, и почему книжек таких никто не сочиняет?»

Турецкий подсчитал, что, пока они добрались до конечного пункта назначения в Кремле, у Меркулова проверили документы семь раз, а у него – девять. Откуда такая несправедливость? Почему такое недоверие? Впрочем, Костя – человек публичный, ему и в Думе этой гребаной случалось выступать, так что его просто могли знать в лицо.

– Костя, с кем мы все-таки встречаемся? – шепотом спросил Турецкий, хотя в кабинете, в который их завели, кроме них двоих, никого не было. Он вспомнил, что гороскоп советовал ему иметь с собой карту незнакомой местности.

Кабинет был как кабинет, не большой и не маленький, но уж получше, чем у него на Большой Дмитровке.

– Так с кем же?

– А ты еще не понял?

– Я понял, но не верю.

Меркулов пожал плечами, встал, подошел к столу, взял графин, хотел налить себе воды. Турецкий ехидно посоветовал:

– Не пей, козленочком станешь!

Меркулов отреагировать не успел, потому что дверь открылась и в кабинет быстрой походкой чуть враскачку вошел человек, которого каждый день показывают по телевизору.

Турецкий подумал и на всякий случай встал. Меркулов поставил графин на место.

– Здравствуйте, Константин Дмитриевич, – сказал вошедший, – здравствуйте, Александр Борисович. Можете не представляться, я все о вас знаю.

Эта фраза у Турецкого восторга не вызвала. Он, конечно, понимал, что служба информации президента при необходимости способна сфотографировать его сны, но мириться с этим как-то не хотелось. Поэтому он сделал вид, что не слышал последних слов, и сказал:

– Старший следователь Управления по расследованию особо важных дел, старший советник юстиции Турецкий. Разрешите сесть?

– Конечно, располагайтесь, как вам удобнее. – Президент гостеприимно махнул рукой, и в этом было нечто иезуитское, поскольку в кабинете имелось ровно три стула.

Все сели.

– Константин Дмитриевич, удалось что-нибудь сделать за это время?

– Прошла всего ночь и...

– Я понимаю, – прервал президент. – Хочу сразу внести ясность. Это не официальная просьба, но поскольку вы, Александр Борисович, ведете расследование по авиакатастрофе, то...

– Что я веду? – удивился Турецкий, несмотря на предостерегающее движение Меркулова.

Президент молча посмотрел на них обоих. Все трое мужчин почувствовали себя неуютно. Меркулов откашлялся и сказал:

– После того как транспортная прокуратура возбудила уголовное дело, стало ясно, что не исключена и возможность теракта, таким образом, расследование перешло в ведомство Генеральной прокуратуры, но это случилось только сегодня ночью, а Александр Борисович, к сожалению, не успел ознакомиться с материалами.

– Александр Борисович, я очень надеюсь на вас, – веско сказал президент.

– Да я что... – пробормотал Турецкий. Ну Костя, ну удружил. Ну почему нельзя было меня отправить в срочную командировку?!

– Я думаю, вам надо вылететь в Новосибирск, – сказал президент. – Впрочем, – он поднял руки, – не мне вас учить. Словом, я буду пристально следить за расследованием.

Такая фраза предполагала вроде бы конец разговора. Неужели все?!

Президент встал. Меркулов и Турецкий тоже.

– Да, вот еще что. – Президент сел. Остальные – тоже. – На этом самолете летел, так сказать, член моей семьи...

Турецкий почувствовал, как стремительно холодеет спина. Родственник президента?! Все пассажиры, кажется, полтора человека, погибли, экипаж – тоже. Не то чтобы он как-то особенно сочувствовал президенту – не больше и не меньше, чем родственникам остальных погибших, но... теперь же с него за это дело семь шкур спустят. Паршивая история, очень паршивая.

Турецкий так расстроился, что не сразу вдумался в смысл сказанного дальше.

– ...у него была кличка Флип. Ему было уже семь лет, это немало для собаки, но все равно еще можно жить и жить. Дочь в нем души не чаяла. Да и мы с женой...

– Какая порода? – спросил Меркулов.

– Стаффордширский терьер.

Собака, понял наконец Турецкий. Член семьи – собака. «Карлсон, Карлсон, мне подарили собаку!» – нехстати вспомнил Турецкий любимый мультик своей дочери.

– А почему он был в самолете? – спросил он.

– В этом-то вся трагедия. – Президент взъерошил редкие светлые волосы. – Он заболел. Свис прямо на глазах. Ничего не помогало. Выяснилось – опухоль, злокачественная. Мы

дочке ничего не сказали, вызвали лучших ветеринаров. Те посмотрели и сказали – дело швах. В общем, умыли руки. Мы уже готовились к худшему, хотя дочери я все не говорил, не знал с чего начать. И вдруг мне сообщают, что в Новосибирске есть народный целитель, только не по человеческим болячкам, а по домашним животным. Говорят, чудеса делает. Его нашли, прислали ему снимки, историю болезни, все такое, он посмотрел и сказал: есть надежда, привозите, только немедленно. И в тот же день мы его отправили, понимаете? Наш Флип был в этом самом самолете, понимаете? Это такой удар для нашей семьи... Я очень рассчитываю на вас, Александр Борисович, очень. Можете рассчитывать на мое содействие.

– Кто сопровождал вашу собаку? – хмуро спросил Турецкий.

– Мой порученец. Семенов Виталий Максимович. Но сопровождал – это звучит формально. Животные же путешествуют не в салоне, а в багажном отделении. Так что он просто прошел с ней паспортный и таможенный контроль, и все. А вот в Новосибирске их – Виталия с собакой – должны были встретить. Но не пришлось, как видите.

– Семенов давно у вас работал? – уточнил Меркулов.

– Второй год.

– Выходит, он тоже погиб? – спросил Турецкий.

– Выходит, так, – развел руками президент. – Я позаботился о его семье.

– Не сомневаюсь. В аэропорту, в самолете кто-нибудь знал, кто такой Семенов, где он служил?

– Что вы, что вы! Это же частное дело. Виталий Максимович выполнял мою просьбу в приватном, так сказать, порядке. Если нужна будет какая-то еще информация, обращайтесь в любое время.

Уже в своей машине Меркулов сказал:

– Саша, извини, я ничего не мог сделать. Мне позвонили ночью. Подготовиться было невозможно.

– Откуда появились сведения о теракте? – зло спросил Турецкий. – Почему дело забрали из транспортной прокуратуры? Какого черта оно попало к нам?!

– Да нет никаких сведений о терроризме. И дело еще в транспортной, сейчас будем забирать. А ты что хотел? Он с такой просьбочкой, а я буду признаваться, что мы тут ни сном ни духом?! Найди ему ошейник, что ли, и дело с концом.

– Да там же взорвалось все, к такой-то матери, он сгорел вместе с псом наверняка.

– Значит, закажем новый. Возьмем фото и... Знаешь, кстати, чем политик отличается от собаки? Никому в голову не придет назвать его другом человека.

– Сто пятьдесят человек, Костя, сто пятьдесят! И собачка! Большая семейная трагедия! Порученец служил, видите ли, только второй год, а собака седьмой!

– Вот и не волнуйся, занимайся лучше самолетом, теперь

у тебя дополнительная мотивация появилась.

– Легко сказать! Да там же миллионы гаек, винтиков, электроника всякая, я же в самолетах ни черта не понимаю!

– Разберешься, – успокоил Меркулов. – Ты ж у нас теперь знатный технарь. – И в доказательство он хотел хлопнуть Турецкого по колену, но попал по ноутбуку.

К середине дня, собрав ворох бесполезных, но необходимых для процедуры показаний, Турецкий смог наконец уехать из Шереметьева. За это время он переговорил с двумя десятками людей, на разный лад повторявшими одно и то же, включая начальника диспетчерской службы Караваева, руководителя службы безопасности Лебзяка и директора аэропорта Иванова. Единственный, кого Турецкому не удалось поймать, был представитель компании «Аэрофлот – Российские международные авиалинии» некто Чепыжный. Разбившийся самолет был аэрофлотовским. Караваев сказал, что Турецкий разминулся с Чепыжным буквально на несколько минут. Тогда Турецкий позвонил ему в офис, но оказалось, что Чепыжный до «Аэрофлота» еще не добрался.

Приехав на работу, Турецкий пообедал в ведомственной столовой и заперся у себя в кабинете. Отключил звонок у телефона. Вынул карандаш, приготовил чистый лист бумаги. Уставился в него. Потом смял и швырнул в корзину. Не попал. Ну и плевать.

К черту бумагу. Вынул из портфеля ноутбук, включил. Пока компьютер загружался, Турецкий попытался собраться

с мыслями.

Итак, что имелось? Информации-то масса. Но в первую очередь, чтобы не погибнуть под ее грузом, надо определиться с возможными версиями происшедшего. Их, само собой, только две: террористическая и нетеррористическая. Но если авария случилась на второй минуте полета, то о террористах вряд ли уместно говорить. Что это, блин, за террористы такие, что взрывают самолет немедленно после взлета?!

Чего обычно хотят террористы? В конечном счете всегда денег.

А до того?

Во-первых, опять-таки денег. Во-вторых, выдвигают какие-нибудь идиотские политические требования. Скажем, выпустить какого-нибудь придурка из тюрьмы. Но это все не годится, все мимо, зачем в таком случае им погибать на второй минуте лета. Тем более что ни о каких переговорах никто ему, Турецкому, в аэропорту не докладывал. А он ведь говорил в числе прочих с начальником диспетчерской службы Караваевым -если бы на борту был кто-то посторонний или кто-то из пассажиров выбился бы из общей массы и вел переговоры, Караваев бы знал. Какие еще варианты? Камикадзе? Да, камикадзе может взорвать самолет немедленно, если, конечно, знает, как это сделать. Но если он действительно камикадзе, то, конечно, знает, на то и камикадзе. Камикадзе, хм... Бред.

Минуточку. Турецкий потянулся и встал из-за стола. Ес-

ли здесь пахнет террористами, если хотя бы есть малейшее подозрение (а оно всегда есть в таких случаях – просто по определению), то без ФСБ тут не обойтись. Не в том смысле, что надо у них просить квалифицированной помощи, а в том, что они наверняка уже и сами задействованы. А между тем ничто не говорило в пользу этой простой мысли. В Шереметьеве-2 он не видел никого такого, кроме следователя транспортной прокуратуры Ильдара Мамедова и спецназовцев, охранявших место катастрофы. Странно, ей-богу. Да чего там гадать!

Набрал Меркулова.

– Костя, а почему ФСБ этим делом не занимается? Самолетом?

– Кто тебе сказал, что не занимается? – тут же отреагировал Меркулов.

Вот те раз.

– Ага! Так ты что-то знаешь об этом? Может, подскажешь, с кем там связаться?

– Саша, я ничего не знаю. Я просто рассуждаю. Они такие истории не пропускают, как мне кажется. Хотя бы ради галочки. Но если хочешь, я выясню для тебя.

Чтобы не терять время, Турецкий снова позвонил Чепыжному. Секретарша с приятным, серебряным голоском поинтересовалась, кто спрашивает.

– Турецкий Александр Борисович. Следователь Генеральной прокуратуры. Это по поводу вчерашней авиакатастро-

фы.

– Одну минуточку, я узнаю... К сожалению, у Валентина Степановича сейчас совещание. Он обязательно с вами свяжется. Оставьте, пожалуйста, свои координаты...

Турецкий создал в ноутбуке специальную папку, которую назвал «Ту-154». Открыл там файл и принялся заносить в него свои недавние размышления. Размышлений оказалось немного. Тогда он подключился к Интернету и принялся просматривать сегодняшнюю прессу. Ничего особенного не нашлось. Почти во всех изданиях фигурировало в том или ином виде сообщение ИТАР-ТАСС. Каждый текст неизменно заканчивался сентенцией, что работает комиссия и возбуждено дело.

А в нем, в сообщении ИТАР-ТАСС, Турецкий подсчитал (не мог отказать себе в этом удовольствии, благо на компьютере это делается элементарно – двумя движениями мышки), так вот, в нем ровно сто три слова. Короткое официальное сообщение, и все. Никаких журналистских домыслов. Надо полагать, через пару часов после аварии произошла утечка информации, журналист ИТАР-ТАСС позвонил в Шереметьево, его пофутболили, пока не подсунили это сообщение, которое перед тем просмотрел и завизировал представитель транспортной прокуратуры Мамедов и еще какой-нибудь большой чин из «Аэрофлота». Да, скорей всего так и было. Надо, конечно, проверить.

«Сегодня в 21.41 в районе аэропорта Шереметьево-2 по-

терпел катастрофу пассажирский самолет Ту-154, следовавший плановым транзитным рейсом SU-572 Москва – Новосибирск – Сеул. Самолет едва успел подняться в воздух, как снова рухнул на землю. Сначала раздался взрыв...»

Минуточку.

«...пассажирский самолет Ту-154, следовавший плановым транзитным рейсом SU-572...»

«...плановым рейсом...»

Что– то не по-русски. Разве есть внеплановые рейсы? То есть, конечно, они бывают, но это что-то сугубо специальное. И во внеплановом самолете разве будут сидеть сто пятьдесят человек? А вот и список пассажиров, очень разношерстная публика, так, на первый взгляд. Тут, правда, еще только предстоит собрать подробную информацию, он уже распорядился на этот счет, стажеры работают...

Хотя, оно конечно, президентскую собаку можно и специальным рейсом отправить, но он ведь, президент, об этом ничего не сказал. Но его и не спрашивали. Позвонить, что ли? Почему бы и нет? Почему в заявлении ИТАР-ТАСС написано «плановый рейс»?

Турецкий достал карточку, которую президент вручил ему в конце беседы. Там значились одиннадцать (11!) телефонов для экстренной связи. Да ну его на фиг. Можно сделать проще, не ради покойной собачки же он старается, в самом деле.

Турецкий позвонил в ИТАР-ТАСС. Минут за десять уда-

лось узнать, что текст заявления, утвержденный, как водится в таких случаях, генеральным директором, составлял корреспондент Игнатьев. Коего найти не удалось. Но, как интимно сообщила секретарша отдела, в котором работает упомянутый корреспондент, Игнатьев сотрудничает с телекомпанией Би-би-си и сейчас собирает материал для них о неблагополучных подростках. Турецкий сказал, что если Игнатьев ему не перезвонит в течение часа, то он лично начнет собирать материал о неблагополучных корреспондентах.

Телефон зазвонил уже пять минут спустя, но это оказался Меркулов:

– Саша, есть новости. Человека, который занимается твоей проблемой с той стороны, зовут полковник Иванчук.

– Слава, ни одного человека не зовут полковником.

– За что купил. Он мне так представился. Сказал: меня зовут полковник Иванчук. Записывай номер.

Фээсбэшник, которого звали полковник Иванчук, предложил вместе пообедать. Турецкий совсем не чувствовал голода, но отказываться было глупо. Встретились на Тверском бульваре в ресторане «Пушкинь», именно с твердым знаком на конце. На первом этаже там было кафе, на втором и на антресолях – ресторан. Причем в ресторан можно было подняться не только на своих двоих. Работал лифт с кружевным лифтом.

Фээсбэшник, затянутый в хороший костюм, оказался дюжим пятидесятилетним мужиком с лицом потомственного

сталеваара. Впрочем, кто знает, может, так оно и было. Заглянув в меню, стилизованное под газету с заголовком «Гастрономический вестник», он заказал солянку и холодец. Турецкий ограничился чашкой кофе. Ожидая ее, разглядывал интерьер. А-ля рюс. Но очень мило. На стене висела «Сравнительная таблица скорости некоторых движений» – парохода, велосипеда, скаковой лошади, пушечного ядра и звука. Тут кое-чего не хватает, подумал Турецкий. Дано: из пункта А в пункт Б вылетел самолет, развивающий максимальную скорость 900 километров в час. Вопрос: где он будет через две минуты? Ответ: в пункте А.

Словно услышав эти мысли, Иванчук сказал:

– С самолетом я вам помогу.

– Каким образом?

– Очень простым. Ваше начальство будет давить на вас, мое на меня. Давайте разделим работу, чтобы сделать ее вдвое быстрее. Оставьте мне террористов, а себе возьмите техническую версию. А там вам вообще ничего делать не придется – знай себе жди результатов комиссии да поплевай в потолок.

– Очень великодушно с вашей стороны.

– Не стоит благодарности, работа такая. – Иванчук уже расправился с первым блюдом.

Турецкий внимательно наблюдал за тем, как он ест. Тот наконец поднял голову и спросил:

– Что?

– Знаете, у вас ведь есть однофамилец знаменитый, шахматист.

– Слышал сто раз. – Иванчук пожал плечами, подвинул к себе холодец.

– Наверно, у вас тоже склонность имеется к сложным партиям.

– О чем это вы?

– Вы зачем меня сюда потащили? Вкусно пообедать? То, что вы мне сейчас сказали, можно было и по телефону сообщить. А можно было и вообще не говорить. Если сильно захотите, то к террористам меня и не пустите. Разве не так? – Про президента лучше до поры до времени молчать. Это козырной туз в рукаве.

– Ну ладно, – сказал Иванчук. – Тогда дебют закончили, начинаем миттеншпиль. Короче, все просто и все так, как я уже сказал. Мне – террористов, вам – остальное. Только верните мне бумагу.

– Что за бумага? – Турецкий уже догадывался, в чем дело.

– Ваньку не валяйте. Список пассажиров.

– Разве у вас его нет? Могу поделиться. Вернусь в контору, вышлю вам по факсу, или хотите – по электронной почте.

– Вы понимаете, о чем я говорю. Мне нужна не копия, а официальная аэропортовская справка, которую вы успели получить раньше меня. Они там в Шереметьеве ошиблись, когда вам ее отдали. Так давайте мы теперь совместными усилиями эту оплошность и исправим. Лады?

– А это что, такая государственная тайна – список тех, кто был в самолете? Неужели ФСБ не может ее получить?

Иванчук вытер салфеткой жирные пальцы. Вылил в себя стакан боржоми. Посмотрел долгим взглядом Турецкому в глаза. Наконец сказал:

– Вы сами все понимаете.

– Да нет, господин Иванчук! Я ничего не понимаю. Что в нем такого секретного, в этом списке?

Иванчук вздохнул и выпил еще боржоми.

– Ну это же так просто. Я все-таки надеюсь, что мы найдем общий язык.

У Турецкого в кармане запищал мобильный телефон.

– Извините. – Он встал, пошел в туалет. – Слушаю.

– Это Игнатьев, из ИТАР-ТАСС. Мне сказали, что...

– Хорошо, что вы позвонили. Приезжайте через полтора часа в Генеральную прокуратуру. Знаете дорогу?

– Может, вы объясните... – В голосе Игнатьева слышалась бравада, он был определенно напуган. Это хорошо.

– Пропуск вам закажут...

Турецкий вернулся к столу, но там уже никого не было. Он хотел рассчитаться за кофе, но выяснилось, что Иванчук уже это сделал. А может, у него тут был открытый кредит, кто знает.

Молодой человек неопределенного возраста с застывшим лицом сидел в его кабинете. С застывшим – читай с испуганным. Турецкий рассматривал его документы. Паспорт и

удостоверение сотрудника ТАСС. Игнатъев Андрей Николаевич. Двадцать пять лет. Родился в Москве, здесь же прописан. Не женат.

– Итак, Андрей Николаевич, расскажите, что вы делали вчера вечером.

Игнатъев почесал затылок и не нашел ничего лучшего, чем спросить:

– Это допрос?

Турецкий вздохнул. Сколько раз разговор в этом кабинете начинался именно таким образом?! Все эти идиотские преамбулы... сколько надо стараться, пыhtеть, чтобы найти друг с другом общий язык. То ли дело компьютер, Интернет. Допустим, тебе надо найти какую-то информацию. Запускаешь поисковую систему, – скажем, «Яндекс»... Ну ладно. Турецкий посмотрел на Игнатъева. Парень ерзал на стуле. Кажется, не слишком ему тут нравится.

– Вы ездили в аэропорт Шереметьево-2?

– Да... то есть нет.

– Это как?

– Я поехал, как только мы получили информацию о том, что самолет разбился.

– Кто это «мы», и как получили?

– Наш отдел. Обычно мы пишем такие тексты – информативно-официальные. А позвонили из Би-би-си. Мой знакомый.

– Выходит, там знали об авиакатастрофе раньше, чем вы?

– Выходит. А так часто бывает. На них столько народу по всей стране работает. Они, знаете ли, – оживился Игнатьев, – платят хорошо за информацию, не скупятся.

– Это я понял, – сухо заметил Турецкий. – Так вы ездили в Шереметьево или нет?

– Я сразу поехал. Взял такси и поехал. Но...

– Сколько времени было?

– Половина двенадцатого.

– Дальше.

– Мы даже до Кольцевой не добрались, как мне позвонили из редакции и сказали, чтоб я возвращался, потому что пресс-служба Шереметьева-2 уже прислала официальное заявление. А такие заявления под маркой ИТАР-ТАСС обычно я и составляю, а начальство только визирует. Так что пришлось поворачивать назад. Хотя съездить в Шереметьево, конечно, хотелось.

– Зачем?

– Ну как же, – удивился Игнатьев. – Я же репортер. Это моя работа...

– В чем ваша работа? Как что-то где-то рухнет – нестись туда и смаковать подробности?

– А что такого? – Журналист, сообразив, что лично к нему в этом страшном заведении никаких претензий вроде бы нет, смелел на глазах. – А что такого?! Весь мир так живет.

Последнюю ремарку Турецкий оставил без внимания. К сожалению, засранец прав.

– Вы редактировали то, что вам прислали из Шереметьева?

– Ну какие-то слова там, запятую туда-сюда. Как обычно.

– Первоначальный текст сохранился?

– А что ему сделается? Лежит в нашем почтовом ящике.

– В электронном? Достаньте его. – Турецкий развернул ноутбук экраном к Игнатьеву.

Тот постучал по клавишам. Нашел вчерашнее письмо. Турецкий его скопировал. Сравнил с окончательным вариантом. Выражение «плановый рейс» было в обоих случаях. Значит, журналисты ИТАР-ТАСС тут ни при чем, это не их творчество.

– Вы знаете кого-нибудь из пресс-службы Шереметьева-2?

– Нет.

– Вы им не перезванивали, не просили сообщить подробности?

– Я бы, может, и не прочь был это сделать, но такое не в моей компетенции. Есть заведенный порядок. Когда происходят события такого рода, без санкции директора мы ничего не делаем. А уж с кем он советуется или не советуется, я не знаю. В данном случае директор прочитал текст, завизировал его, и все.

– Давайте ваш пропуск.

Отпустив журналиста, Турецкий разложил перед собой пять листов – пресловутый список пассажиров. Ну и что,

спрашивается, в нем такого секретного?

Дверь заскрипела, и в образовавшийся проем заглянул Меркулов.

– Как успехи на кинологическом фронте?

Турецкий только скривился.

– Тогда слушай анекдот. Российские кинологи вывели новую породу собак – новая русская борзая. В принципе она ничем не отличается от обычной борзой, разве что чересчур борзая. – Больше не говоря ни слова, Меркулов ретировался.

...Чепыжный между тем так и не перезвонил. Ладно, пождем еще... Что же с этими пассажирами? Почему фээсбэшник хотел его получить? Э! Он сказал, что произошла ошибка, что Турецкий получил бумагу раньше него. Значит, что? Значит, надо затребовать ее из Шереметьева и еще раз сравнить. Только надо, чтобы теперь это сделал кто-то другой.

На всякий случай Турецкий позвонил Караваеву, но он уже сменился. Вот и хорошо. Так сказать, объективность обеспечена. Если ФСБ там что-то камуфлирует, то он сейчас это выяснит.

Подумав, Турецкий позвонил в транспортную прокуратуру и попросил это сделать следователя Мамедова, того самого, который до вмешательства Генпрокуратуры вел расследование. Ильдар Мамедов был следователь опытный, он не удивился этой просьбе, несмотря на то что он-то и передал Турецкому список пассажиров из рук в руки и не задал

ненужных вопросов, просто попросил подождать.

Через полчаса Мамедов перезвонил и сказал, что высыла-ет факс.

Еще через пять минут Турецкий сопоставлял старый и но-вый список. Количественный анализ ничего не дал – в обо-их случаях, как и в сообщении ИТАР-ТАСС, сто сорок де-вять пассажиров, шесть членов экипажа. Турецкий стал про-верять пофамильно. Тут получалось меньше полутора сотен фамилий, потому что некоторые повторялись, понятное де-ло – семьи, а может, чем черт не шутит, были там и однофа-мильцы – без Смирновых, Никитиных и Кузнецовых в этом самолете не обошлось. Главное было не спешить. Чтобы не рябило в глазах, Турецкий взял линейку и стал двигать ее от фамилии к фамилии. На все про все ушло четверть часа. Выяснилось следующее:

В списке No 1 присутствовали граждане Якимчук О. С. и Гуринович С. Я., каковые в списке No 2 отсутствовали.

И в списке No 2 имелись: Степаненко В. В. и Уланов Ф. К., которых не было в списке No 1.

Несложно было догадаться, что Степаненко В. В. и Уланов Ф. К. вполне себе виртуальные личности, несмотря на то что покойные. Фээсбэшник хотел скрыть тот факт, что на борту были Якимчук О. С. и Гуринович С. Я.

Возникает закономерный вопрос: почему? И кто такие эти Якимчук и Гуринович? Что касается Степаненко и Уланова, то их, скорей всего, в природе никогда не существовало, но

все равно стоит проверить, чтоб на душе спокойно было.

Ну что теперь, надавить на Иванчука? Рано, пусть понервничает шахматист, потом успокоится, а потом уже ему можно будет врезать под дых. Сейчас лучше самому эту историю с подменой покойников раскрутить насколько возможно.

Турецкий вышел в соседний кабинет. Там работали стажеры – следователи из районных прокуратур. Турецкий шефствовал над симпатичным толстяком Мишей Федоренко. Федоренко, занимающийся идентификацией погибших пассажиров, был обложен бумагами. Каждые пятнадцать минут ему приходил очередной факс, и разгрести эту макулатуру, на глаз Турецкого, было выше человеческих возможностей, так что новое задание для Федоренко оказалось кстати.

– Миша, я пришел спасти тебе жизнь. Остальных пассажиров пока задвинь, займись этими четырьмя. – Турецкий протянул ему клочок бумаги.

– Сан Борисыч! – с чувством сказал Миша.

– Это срочная работа, но есть еще важнее. Возьми машину, поезжай в Шереметьево-2, привези мне из пресс-службы того, кто отправлял текст в ИТАР-ТАСС. Уловил? Действуй.

Турецкий вернулся к себе. Сделал очередную чашку кофе. Перекусить, что ли? Не хочется...

Но где же этот жук Чепыжный? Кажется, он не слишком торопится перезванивать? Турецкий не поленился набрать аэрофлотовский номер еще раз.

– Вас беспокоят из Генеральной прокуратуры. Следова-

тель Турецкий. Я бы хотел побеседовать с господином Чепы... .

– У Валентина Степановича обеденный перерыв.

Турецкий посмотрел на часы и покрутил головой. Поздновато что-то. Ну ладно, подождем.

Перезвонил полчаса спустя.

– Валентин Степанович разговаривает по другому телефону.

Надо подготовиться к разговору с Чепыжным, иметь на руках расписание рейсов. Турецкий привычно снял трубку, задумался и положил ее обратно. Сам себе погрозил пальцем. А Интернет на что, Александр Борисович?

Итак, «Яндекс». Входим в категорию «Транспорт»...

Теперь выбираем то же самое в Москве...

Так, выбор представляется немаленький. Но какая разница. Первый же сайт... Неудача, выплыла табличка «сайт переехал», а рядом – <http://russia.km.ru>. Турецкий нажал на эту ссылку. Через полминуты загрузилось: «Расписание поездов, самолетов, автобусов, электричек, схемы метро, справочные».

Пропетляв еще некоторое время и иногда возвращаясь на исходную позицию, он выбрался-таки в раздел «Авиарасписания».

Набрал город вылета – Москва, город прибытия – Сеул. И получил табличку из двенадцати рейсов.

Уф, аж вспотел. Посмотрел на часы: на все про все ушло

около двадцати минут. Ну минут пять можно сбросить на то, что компьютер маломощный, модем так себе, связь паршивая, еще минут десять – на то, что он просто «чайник» пока, опытный юзер быстрее бы нашел. Но ведь и по телефону вышло бы вдвое быстрее, да и парился бы не он, а кто-нибудь из стажеров. Но ведь интересно же, интересно, черт возьми! Как будто в досье Третьего рейха роешься! И все получается.

Ну ладно, законный, заработанный отдых. Турецкий встал, размялся и приготовил кофе. Теперь можно с чувством глубокого удовлетворения пожинать плоды своих усилий. Он снова уселся перед экраном. Сделал глоток. Хорошо.

А где тут наш рейс SU-572? Вот он, родимый. Вылет из Москвы в 21.30. До своей первой, транзитной посадки самолет находится в пути 3 часа 50 минут. Прилетает в Новосибирск в 04.20, ну это по местному времени, разумеется. Стоимость билета в экономклассе четыре тысячи восьмьсот рублей. Ну это нам без разницы...

Что за черт?

Он вернулся в начало. Вылет из Москвы в 21.30.

В половине десятого.

Как в 21.30?! В этом долбаном заявлении пресс-службы Шереметьева-2, переданном в ИТАР-ТАСС, кстати, где оно... а вот... черт, кофе пролил, ну ладно. Так. В нем сказано, что самолет упал в 21.41, причем сразу после взлета. Это подтвердили и члены технического комиссии, когда Ту-

рецкий беседовал с ними в Шереметьеве-2.

Может, устаревшее расписание? Он проверил. Да нет же, последние обновления и поправки в расписание внесены три дня назад. Не мог же самолет взлетать десять минут. Взлет в полдесятого, авария на второй минуте, но 21.41 – как такое может быть? Самолет...

Тут Турецкий посмотрел в колонку, которую он до того момента автоматически игнорировал, – в колонку «Самолет». Там значилось Ил-86.

Ил-86, а не Ту-154. Так вот что значит «плановый рейс». Тот, кто составлял текст для ИТАР-ТАСС, таким образом показал, что, несмотря на то что самолет другой, рейс -обычный. А почему самолет другой?!

Он взялся за голову. Тут зазвонил телефон. Единственное желание, которое было у Турецкого в этот момент, – это швырнуть его об стенку. Но он сдержался и продолжал сидеть, зажав голову руками и стараясь думать: возможно, все не так плохо, как кажется? Возможно, это ниточка? Возможно, все не так плохо, как кажется, возможно, все еще хуже?

Телефон не замолкал, кто может так упорствовать? Меркулов? Жена?

Теперь добавился еще один звонок – ему звонили и на мобильный. Турецкий посмотрел на определитель номера – это был Грязнов. Турецкий нажал на кнопку «talk».

– Саня, – радостно сказал Грязнов, – я в тебя с двух стволов, в смысле – с двух телефонов, где там, думаю, мой кореш

подевался...

– Слава, будь другом, – жалобно сказал Турецкий, – иди к черту, а?

Авиакомпания «Аэрофлот – Российские международные авиалинии» имеет головной офис по адресу: Фрунзенская набережная, дом номер 8. Вот те на. В двух шагах от его собственного, Турецкого, дома. Это что, знак судьбы? Может, плюнуть да закончить на сегодня? А завтра с утра заскочить в «Аэрофлот»?

Нет уж. Надо пробить эту стену сегодня. Ну-ка еще раз... Этот номер он уже знал как собственный, пальцы жали на кнопки телефона автоматически. Но снова ничего не вышло.

– Очень жаль, но Валентин Степанович только что уехал в КБ Туполева. – Это, кстати, был незнакомый Турецкому голос, наверно, – другая секретарша.

Проклятье.

Стук в дверь.

– Можно, Сан Борисыч? – Заглянул Миша Федоренко. – Мы приехали.

– Отлично, – обрадовался Турецкий.

Федоренко завел в кабинет женщину лет тридцати в очках в большой роговой оправе. Представил ее:

– Ирина Васильевна Богучаева, руководитель пресс-службы Шереметьева-2.

У Ирины Васильевны было напряженное, чтобы не сказать – испуганное лицо. Турецкий сделал знак Федоренко, и

тот ушел.

– Хотите кофе?

– Нет... да, спасибо... Я что-то...

– Ды вы не волнуйтесь так, – засмеялся Турецкий. – К вам никаких претензий у нас нет. Вы где живете?

– Я... на Садовой-Триумфальной.

– Ну рядом же совсем, рабочий день уже, наверно, заканчивается, мы вас отвезем домой.

– Нет-нет, мне надо на работу еще сегодня, обязательно!

– Ну как хотите. Я вам все равно машину дам. Дело вот в чем. Вы же отправляли вчера поздно вечером вот это письмо в ИТАР-ТАСС? – Он показал распечатку.

– Да.

– Кто составлял текст?

– Как это? Я же и составляла.

– Вы и писали, вы и составляли. Похвально. А сколько у вас сотрудников в пресс-службе?

– Один.

– Только вы?

– Только я. Просто недавно, недели три назад, всех уволили. Было еще четверо.

– Вот как. За что их уволили?

– У нас была забастовка технического персонала, ребята написали бюллетень для прессы, который не понравился начальству.

– А вы почему в этом не участвовали?

– Я заболела.

– Вам повезло, – закуривая, заметил Турецкий.

– Да, повезло. Ой! – Она вдруг резко встала и отошла к двери.

– Что такое?

– У меня идиосинкразия. Я не переношу табачный дым! Мне сейчас плохо будет, потушите немедленно!

Турецкий даже растерялся.

– Ну хорошо, хорошо... – Загасил сигарету. Подумал и убрал пепельницу в стол. – Ну садитесь же!

Она с опаской приблизилась к столу.

– Я больше не ку-рю, – отдельно сказал Турецкий.

Богучаева села.

– Значит, так, – вздохнул Турецкий. – Без сигарет я долго не могу. Так что давайте быстренько разберемся со всем, и я вас отпущу. Договорились? То-то же. Кто-то участвовал вчера в составлении текста кроме вас? От кого вы получили инструкцию это сделать?

– Как обычно. От директора.

– От Иванова?

– Да.

– Как это было? Только говорите правду, пожалуйста. Мне вы сэкономите время, а себя избавите от повторного визита сюда.

– Не понимаю, что за угрозы. – Она передернула плечами. – Тут нечего скрывать, тоже мне государственная тай-

на. Меня вызвали к нему. Я уже знала, конечно, что самолет упал, так что поняла зачем.

— Дальше. — Турецкий машинально взял в руку пачку сигарет, повертел, наткнувшись на испуганный взгляд Богучаевой, с досадой оттолкнул от себя.

— И принесла готовый текст. Иванов был занят, у него сидел член совета директоров, и он сказал, чтобы я зашла через полчаса.

— Ваш текст подвергался исправлениям?

— Обычное дело, всегда так бывает, вставляют слово, другое...

— Ирина Васильевна, сохранился первоначальный вариант текста?

— Не помню. Вряд ли.

— Директор что-нибудь поправил в нем? Не говорите, я попытаюсь угадать. В первом предложении? — Турецкий снова показал распечатку: «Сегодня в 21.41 в районе аэропорта Шереметьево-2 потерпел катастрофу пассажирский самолет Ту-154...»

— Вы, наверно, с ним уже разговаривали, а теперь мне голову морочите. Я припоминаю, что видела вас в аэропорту.

— Какое слово вам поправили?

— Никакое. Он дописал перед словом «транзитный» — «плановый».

— Последний вопрос. Вы упомянули члена совета директоров.

– Чепыжный.

Уходя, Богучаева сняла наконец свои дурацкие очки, и Турецкий увидел, что за ними скрывалась очень привлекательная внешность. Ну и фиг с ней, с этой дурой, хочет уродовать себя – не его дело. Он вышел в соседний кабинет.

– Миша? Нашел уже что-нибудь?

– Александр Борисович, – возмутился Федоренко. – Когда?! Я же только приехал!

– Ну ладно. Отвези Ирину Васильевну куда скажет.

Значит, все сходится на Чепыжном. Это он вписал «плановый», больше никому. Давненько мы ему не звонили.

– А я вас узнала, – радостно прощепетала секретарша Чепыжного. – Вы Турецкий, правильно? К сожалению, Валентин Степанович отбыл в срочную командировку...

– Да что же, он бежит от меня, что ли? – вскипел Турецкий, швырнув трубку. – В командировку?! Ну ладно же. Похоже, секретарши не согласовали между собой, что говорить.

И он позвонил диспетчеру Караваеву домой. Попробуем наудачу.

– Здравствуйте еще раз. Это Турецкий. У меня к вам просьба. Суший пустяк. У вас есть номер мобильного телефона Чепыжного. – Эта фраза была произнесена утвердительно. – Он мне нужен срочно.

Молчание. Неужели не угадал? Неужели нет у Караваева этого телефона? Да нет, не может быть, пауза слишком красноречивая.

– Александр Борисович, я не знаю, могу ли...

– Это срочно, я все равно его найду, но потеряю время, выручите, пожалуйста, Генеральная прокуратура своих долгов не забывает.

– Ну... хорошо... Только, Александр Борисович, у меня просьба...

– Я понял, понял, – оборвал Турецкий. – Вы мне его не давали. Диктуйте.

Турецкий стал набирать номер Чепыжного и остановился перед седьмой цифрой. Задумался: «Если он так не хочет со мной говорить, то скажет, что плохо слышно, а потом и вообще отключит телефон. Может, и нет, а может, да. Он, конечно, понимает, что долго прятаться не сможет, но за день-два рассчитывает навести обо мне справки и выработать тактику. У него что, рыльце в пушку? Н-да, звонить рискованно. А поговорить надо, очень надо, пока еще тепленький, непуганый».

Турецкий дал отбой и позвонил Грязнову:

– Слава, нужна твоя помощь.

– Ага, – деланно равнодушно сказал Грязнов. – А если я скажу – иди к черту?

– Славка, ну прости, ты же понимаешь, как бывает, я бы мог списать это на месячные, но боюсь, ты не поверишь.

– Правильно боишься. Чего тебе?

– Телефончик один пробить. Замгендиректора «Аэрофлота».

– Саня, ты, как всегда, несилен в терминологии. «Пробить» – это как раз наоборот, когда есть телефон и надо узнать чей. А ты, оказывается, знаешь. Так что ты тогда хочешь? Посмотри в телефонный справочник, найдешь его номер.

– Ты не понял. У меня есть номер его мобилы. Я хочу по нему найти владельца. В физическом смысле. В географическом. Определить местонахождение.

Грязнов помолчал.

– Слава, ты меня слышишь?

– Слышу.

– Не говори, что не можешь, я видел, как ты это делал по заказу, когда искали любовника жены этого, из Генерального штаба...

– Саня!

– Ладно, молчу.

– Саня, это дорогая процедура, это же через спутник делается.

– Слава, ну спиши на что-нибудь, будь другом. Я потом сочиню тебе официальное требование, а Костя подпишет.

– Ну ладно, попробуем. Но это непростая история. Понимаешь, даже если удастся его определить, то там погрешность, между прочим, несколько сот метров. А в Москве на такой площади могут быть тысячи людей. А вдруг он не в машине, а в доме каком многоэтажном окажется, в высотке там или в мэрии?

– Ну это уже моя забота.

– Только имей в виду, что еще неизвестно, когда получится.

– Я не тороплюсь. Вы только не спугните его. Когда будешь звонить, фамилию мою не называй.

– Я похож на идиота? – обиделся Грязнов.

– Давно тебя не видел, Славочка.

Турецкий поужинал без всякого удовольствия. Без всякого интереса послушал последние новости в интерпретации Ирины Генриховны: нобелевские лауреаты разъезжаются по своим странам, и какой-то там НИИ Академии наук уже приготовился чествовать академика Баткина. Заглянул было в ноутбук, посмотреть свежую почту. Помимо всякой рекламной рассылки и свежих спортивных новостей было в почтовом ящике одно-единственное письмо, от Меркулова. Неужели Костя что-то нарыл? А чего не позвонил тогда, все деликатничает? Турецкий бросил гадать и открыл письмо. Там значилось:

"Саша, забыл тебе рассказать еще один анекдот.

Собака заходит на почту, берет бланк для телеграммы и пишет: «Гав... гав... гав... гав... гав... гав... гав... гав... гав...» Почтовый работник прочитал текст и говорит: «В телеграмме только девять слов. Вы можете добавить еще одно слово за ту же цену». Собака думает, перечитывает, шевеля губами («гав-гав... гав, гав...»), проговаривает свой текст снова, затем говорит: «Да нет, тогда ерунда какая-то получа-

ется...»

Настроения это письмо не прибавило, и Турецкий выключил компьютер.

Из комнаты дочери доносились малопотребные звуки, которые она считает музыкой. Что за молодежь пошла. Сквозь шум, Турецкий кое-как различил слова:

Пальцы коснутся Солнца,
Пепел коснется трав
В час, когда птицы сердцами сольются с землей,
Цепь золотая рвется
Радугой на ветрах,
Прежде чем воздух успеет налиться бедой...

А что, подумал Турецкий, между прочим, даже ничего. Между прочим, даже красиво. Турецкий не удержался, заглянул в комнату Нинки. Дочь сидела за столом к нему спиной.

– Что подельываешь? – спросил Турецкий.

– Уроки, – был дан ответ.

Да не может такого быть. Турецкий снова не удержался, подошел и глянул ей через плечо. Черт знает что такое, действительно уроки. Ребенок сидит вечером дома и делает уроки. Что за молодежь пошла?!

– А кто это вопит? – он кивнул на магнитофон.

– Темнота, – вздохнула дочь. – Это же «Алиса».

– И кто это?

Нинка высокомерно покачала головой:

– Папочка, если тебя похищали пришельцы – не стоит говорить об этом вслух.

Камикадзе!

Ты сегодня король,

Камикадзе!

Начал движение вниз

Камикадзе!

Это твоя лучшая роль,

Камикадзе!

Повтори свой номер на бис...

Камикадзе – что-то это напоминает, подумал Турецкий, а, была же днем у меня такая версия. Это насчет катастрофы на второй минуте, ну да, бред есть бред.

Турецкий пошел в кабинет, вооружился-таки любимым ноутбуком, с комфортом положил ноги на журнальный столик.

– Экий ты буржуа, – заметила Ирина Генриховна.

Турецкий пощелкал по клавишам и через некоторое время сказал:

– Жена, ты чего меня обижаешь?

– В чем обида-то? – поинтересовалась Ирина Генриховна.

– Да вот пожалуйста. Слово «буржуазность» ввел в популярный европейский обиход Флобер... слышала о таком?

– Не хами.

– И употреблял его именно в этом смысле – как «плоский

склад ума и пошлый образ чувств», это «культурное» значение закрепилось в языке параллельно с марксистским «научным» определением, чисто функциональным и экономическим.

В начале первого ночи, когда Турецкий тушил ночник, а умиротворенная и разгоряченная Ирина Генриховна смотрела на него с нежностью, зазвонил телефон. Турецкий подумал и отключил звонок. Жена смотрела на него и не верила своим глазам. И правильно не верила, потому что через некоторое время Турецкий включил звонок, и телефон тут же ожил.

– Может, все-таки взять трубку? – неуверенно произнес Турецкий.

– Нет, ты не станешь разговаривать.

– Почему?

– Потому что это Грязнов.

– Откуда ты знаешь? – возмутился Турецкий.

– Потому что все слишком хорошо.

Турецкий подумал и взял трубку. Это был Грязнов:

– Санек, собирайся, нашли гада.

– Где он? – Турецкий стал немедленно натягивать джинсы.

– Неглинная, 14, строение 7.

– Это что такое?

– Сандуны, темнота.

– Саша, ты куда? – обомлела Ирина Генриховна.

– В баню, – с неожиданным энтузиазмом объяснил Турецкий.

В квадратном, пять на пять метров, бассейне нежился пожилой мужчина с брюшком. Рядом плескались две особы, годившиеся ему во внуки. Купальники особы надеть забыли.

– Генеральная прокуратура. Следователь Турецкий, Александр Борисович.

– Оч... очень рад... – пролепетал Чепыжный.

– А уж я как рад, вы и представить себе не можете. А ну-ка брысь отсюда! – Это было сказано уже девицам, но, впрочем, без особой нужды, они уже и так улепетывали. И неизвестно, что произвело большее впечатление – магическое заклинание «Генеральная прокуратура» или сумрачная его физиономия.

– Значит, что получается, Валентин Степанович? – вкрадчиво спросил Турецкий. – В прятки играть изволите? Ту-154 рухнул на взлетной полосе. Это был самолет, следовавший плановым, как вы это подчеркнули, рейсом через Новосибирск в Сеул. Правильно или нет?

– Пр-равильно...

– Но в расписании Ту-154 не значится, там значится Ил-86. Позвольте вас спросить: какого черта? – Последние два слова Турецкий буквально проорал.

– Я н-не понимаю... – Чепыжный сделал попытку вылезти из бассейна, но сорвался обратно.

– Возникает закономерный вопрос: почему же в воздух поднялся Ту-154 вместо привычного на этом рейсе самолета Ил-86?

– Но позвольте... Почему я должен за это отвечать? Есть директор аэропорта, он...

– Пытаетесь выиграть время? Вы член совета директоров Шереметьева, что вы мне втираете?! Вы вписали в официальное сообщение для печати слово «плановый» – как раз для такой ситуации как эта, чтобы всегда можно было дать задний ход. Разве я не прав?! – Турецкий присел на корточки и столкнул пытавшегося вылезти Чепыжного обратно. Брызги замочили его самого. – Фу, ну у вас и водоизмещение, Валентин Степанович.

Чепыжный, едва вынырнув, в ужасе заколотил руками по воде, чтобы выплыть к другому бортику. Турецкий не спеша обошел бассейн. Чепыжный шарахнулся от него. Но теперь Турецкий, напротив, схватил его под мышки и вытащил на сушу. Швырнул ему халат.

– Утром я смогу вас арестовать. Эта подмена самолетов – нешуточная афера. Попаритесь в Лефортове, а то и в Бутырках. Через некоторое время адвокаты вас, конечно, вытащат, но не сразу, не сразу... И это все только для того, чтобы в результате честно ответить на простой вопрос. Что вы можете сделать еще и сейчас.

Чепыжный вытер лицо и пробормотал:

– Маршрутная сеть компании была... скорректирована в

связи с введением в Европе ограничений по шумам и эмиссии.

– Это еще что такое?

– Такое новое правило.

– И насколько новое?

– В Европе оно с 1 апреля 2001 года действует. Почти год.

И поверьте, это не шутка.

– Что из него следует, из этого правила?

– Что самолеты, не отвечающие этому международному стандарту – по шуму и эмиссии, должны быть выведены из регулярного расписания. Ту-134 и Ил-86 не отвечали.

– Почему же вы не выводили их раньше? Сразу после 1 апреля?

– А мы выводили, выводили! Но поймите, речь идет ведь о международном стандарте. А у нас столько лет были свои собственные, не так-то просто сразу перестроиться. Но Ту-134 и Ил-86 были выведены «Аэрофлотом» из регулярного расписания европейского направления еще год назад. Хотя, конечно, это не совсем точно. Прежде всего выведены из регулярного расписания самолеты Ту-134, а Ил-86 остались на рейсах, скажем, в Сочи, Симферополь и Турцию.

– В Южную Корею.

– Простите?

– Вы слышали, что я сказал.

– Ваши слова имеют какой-то подтекст? Относительно этой катастрофы в Шереметьеве-2? Какая трагедия...

– Послушайте, Валентин Степанович, мы сейчас одни, так что позвольте вам сказать откровенно, что я думаю – не как представитель Генпрокуратуры, а как обыватель, который тоже иногда летает самолетами «Аэрофлота».

Валентин Степанович польщенно осклабился от такого доверия.

– Я думаю, – сказал Турецкий, – что вам глубоко плевать на эту трагедию, как вы изволили выразиться. Я только не понимаю, почему вы не рыпались почти год, а сейчас вдруг засуетились. Но я это выясню.

– Не понимаю суть ваших претензий, – деланно возмутился Чепыжный. – Между прочим, наша компания вообще вынуждена была отказаться от целого ряда рейсов, где приемлемым был только самолет Ту-134. Ту-134 работали в направлениях с небольшим потоком пассажиров – Любляна, Братислава, Дублин...

– Я спрашиваю последний раз, перестаньте юлить. Когда вы дали команду поменять самолет? Ведь я же узнаю это сам, лучше не злите меня, не вставляйте палки в колеса.

Чепыжный молчал, уставившись в пол.

– Ну?!

– Позавчера...

– Значит, за сутки до полета... Я, конечно, не специалист, но уверен, что это сделано против всех правил. Самолет, который повезет полтора человека за много тысяч километров, вдруг достают с антресолей и запускают в рейс.

– Да что вы! Была тщательная техническая проверка...

– Заткнитесь лучше! И как вам только удалось это про-
вернуть... Впрочем, что я говорю – как удалось. Ясно, как
удалось – вы же член совета директоров Шереметьево.

Утром Турецкий заглянул в кабинет к стажерам. Федо-
ренко не было, но на его столе дымилась чашка. Турецкий
взял лист бумаги, лежавший поверх целой кучи других та-
ких же.

Жертвы авиакатастроф.

Число погибших в авиакатастрофах (общемировой пока-
затель):

1996 – 1614 человек

1997 – 1227

1998 – 1115

1999 – 628

2000 – 1046

Количество погибших пассажиров на миллион пассажи-
ро-километров:

1996 – 0,05

1997 – 0,04

1998 – 0,035

1999 – 0,02

2000 – 0,025...

Тут как раз Федоренко и появился.

– Сан Борисыч, я нашел доклад Французского бюро по расследованию авиакатастроф...

– Вижу уже, – хмуро сказал Турецкий. – А почему здесь прошлого года нет?

– А это, между прочим, самое интересное. Оказывается, они результат подбивают только год спустя: надеются, что вдруг кого-то найдут еще.

– Как это? Если вдруг люди не погибли, а их инопланетяне украли? – Турецкий вспомнил вчерашнюю дочкину остроту.

– Вроде того. Оказывается, до сих пор бывает, что самолеты бесследно исчезают, вроде как в Бермудском треугольнике.

– Да ладно заливать.

– Ей-богу. Вот например. Полгода назад исчез самолет эквадорской авиакомпании, девяносто два человека на борту. Вылетев из эквадорской столицы, он через час связался с аэропортом Тулькана и запросил разрешения заходить на посадку. Больше экипаж на связь не выходил, а самолет исчез с экранов радаров. Неслабо? Тогда его так и не нашли. А вот месяц назад обломки самолета обнаружили в кратере потухшего вулкана, на границе Эквадора и Колумбии.

– Хм... кто ж его туда засунул?

– Вот и я о том же! А вообще, оказывается, самолет – чуть ли не самый безопасный вид транспорта. Только поездам чуть-чуть уступает.

– Да ты спятил. То и дело же они быются! Раньше никогда

такого не было.

– Раньше у нас информации об этом не было, – веско сказал Миша. – Да вы сами посудите. За весь двухтысячный год погибло две тысячи человек. Да только в Москве на машинах больше бьется, разве не так?

Уел, стервец, подумал Турецкий, но в педагогических целях промолчал.

– Ладно, эрудит, что с нашими пассажирами, выяснил? Которые из четырех покойников настоящие?

– Пока нет, – несколько потускнел Миша.

– Так не отвлекайся!

И Турецкий пошел к Меркулову докладывать о вчерашнем. Там его ждал сюрприз. У Меркулова сидел фээсбэшный полковник Иванчук. Турецкий попытался скрыть удивление и досаду, но не был уверен, что это удалось.

– А мне вот жалуются на вас, Александр Борисович, – без тени улыбки, подчеркнуто официальным голосом сказал Меркулов. – Не желаете, говорят, сотрудничать с нашими славными чекистами.

– А пусть, Константин Дмитриевич, наши славные чекисты пойдут куда подальше, – не слишком задумываясь, брякнул Турецкий.

У Иванчука вытянулась физиономия, а Меркулов, насколько его Турецкий знал (а знал он его хорошо), остался доволен.

– П-позвольте, – возмутился Иванчук. – Но вы же сами

встречи со мной вчера добивались, это же ваша инициатива была!

– Моя, – согласился Турецкий. – Мы встречались в ресторане «Пушкинъ», если не ошибаюсь. Я посмотрел, какой у вас аппетит, и на этом интерес к вам потерял. – Фраза была явно двусмысленная, Иванчук побагровел. Но, надо отдать ему должное, быстро взял себя в руки и сказал подчеркнуто официальным тоном:

– Мне кажется, мы могли бы здорово сэкономить время, занимаясь каждый своим направлением, как я уже вчера предлагал Александру Борисовичу, он – технической версией, я – террористами.

Турецкий раскрыл папку, которую держал на коленях, и достал оттуда лист бумаги, на котором в два столбца были выписаны четыре фамилии:

Якимчук Степаненко

Гуринович Уланов

– Которые настоящие? – спросил он у Иванчука. – Первые, надо полагать. Они ведь в том списке, который вы так хотели получить. Вот он, пожалуйста. – Турецкий протянул ему пять скрепленных листов. – Начальство замучило, да? Утечка и все такое? Сочувствую.

Иванчук сначала побелел, потом снова покраснел.

Меркулов сидел внешне совершенно невозмутимый, но на самом деле откровенно забавлялся спектаклем.

– А насчет экономии времени вы правы, конечно, – про-

должал Турецкий. – Поскольку мы уже сутки пытаемся установить, кто они были такие, то лучше скажите, что знаете. Вот вам и экономия времени.

Иванчук насупленно молчал. Видно, ничего не мог решить. Его неожиданно выручил Меркулов.

– Полковник, – сказал Меркулов, – вы предлагали разделить следствие по версиям. Себе хотели взять террористическую. Значит, эти двое мужчин, которых вы хотели закамouflировать, имеют к ней непосредственное отношение. Давайте начистоту, кто они?

Ответ был не совсем ожидаанный.

– Это женщины, а не мужчины, – сказал Иванчук. – Светлана Гуринович и Ольга Якимчук. Бывшие биатлонистки. Снайперши. В Чечне воевали. В Югославии. Потом снова в Чечне. Я за ними три года гонялся. Вот нашел наконец, пожалуйста.

Турецкий слегка обалдел от такой информации. Неужели все-таки террористическая версия?

Меркулов хладнокровно поинтересовался:

– Они что же, под своими именами летали? Почему вы уверены, что это именно они?

– Мы взяли человека, который документы для чеченцев изготавливал. С его слов составили список таких липовых паспортов. Там сотни полторы получилось. На весь самолет бы хватило. В числе прочих были эти – Якимчук и Гуринович. Девушки родом из Белоруссии, может, ностальгия заму-

чила, черт его знает, но взяли они себе именно такие фамилии.

– Но откуда вы знаете?! – не выдержал Турецкий. – Так можно пальцем в небо попасть. С чего вы взяли, что это они? Я же видел останки пассажиров, там мало что определить можно. Идентификация тел в таком состоянии может занять недели. А вы ведь уже вчера были уверены, что...

– А съемка в аэропорту на что? – хмуро бросил Иванчук. – Там видеокамер наткано – на каждом углу. Они это, я проверил.

– Ну, блин, дела! – возмутился Турецкий. – У вас террористы среди бела дня на борт самолета поднимаются, вы их знаете в лицо, знаете пофамильно и ничего не можете сделать! Куда мы так придем?!

– Законы менять надо! – заорал в свою очередь Иванчук. – В израильском Бен-Гурионе пассажиры проходят четыре барьера контроля безопасности. Четыре! Всех досматривают спецнаблюдатели, составляют психологические портреты! Дальше пассажиры проходят через рентгеновские ворота. Там ни одна букашка не прошмыгнет, не то что какой крупный зверь! При малейшем подозрении могут раздеть пассажира на контроле буквально догола! А у нас что?!

– А что у нас?! – взвился Турецкий. – Колючей проволоки не хватает – всю страну обмотать?!

– Товарищи офицеры, – сказал Меркулов, – брэк.

– Что будем делать? – Турецкий как ни в чем не бывало

повернулся к нему.

Меркулов, как всегда, соображал молниеносно.

– Полковник, – спросил он фээсбэшника, – а на тех аэропортовских пленках Якимчук и Гуринович были одни, их никто не провожал?

– Увы.

– Понятно. Ну что ж, Александр Борисович, я думаю, стоит принять предложение ФСБ и сконцентрироваться только на технической версии. Ну а вы уж, полковник, не зажимайте информацию, пожалуйста, – к прессе она не уйдет, можете не сомневаться. Теперь вам скрывать нечего. Мертвые не кусаются, как говорил Билли Бонс.

Турецкий оставил Константину Дмитриевичу свою папку, главное содержимое которой составляли сведения о вчерашних водных процедурах – неформальном допросе господина Чепыжного. Он с удовольствием рассказал бы об этом сам, так, в сущности, и намеревался сделать – но не при фээсбэшнике же.

Взъерошивая волосы, Турецкий прошел в свой кабинет. Чтобы успокоить нервы, включил ноутбук, решил проверить почтовый ящик. Одно письмо. Вроде рекламная рассылка, ну и ладно.

«Если у вас пропала собака, вы найдете своего пропавшего друга гораздо быстрее, если подумаете об этом заранее. Не дай вам Бог пережить такой стресс, но ситуации бывают разные...»

Турецкий даже вспотел. Украдкой посмотрел по сторонам, хотя кто же тут еще мог быть, в его собственном кабинете. Неужели перст судьбы?

– Ну-ка, ну-ка...

«...Даже самая послушная собака в неожиданной ситуации со страху может сигануть в неизвестном направлении. Сделайте элементарную вещь – закрепите каким-нибудь образом на ошейнике номер телефона. В магазинах продаются закручивающиеся капсулы, но здесь два минуса: человек, нашедший собаку, может не догадаться ее раскрутить и второе – они имеют тенденцию раскручиваться сами. Обратитесь в фирму, где делают гравировки или медальки, – за небольшую плату вам сделают металлическую нашлепку или медальку к ошейнику».

– Это мне, блин, надо медальку, – вспыхнул Турецкий. – К ошейнику!

Со злостью отключил компьютер. Вышел из кабинета и зашел в соседний, рывкнул:

– Следователь Федоренко!

– Это я, – удивленно поднимая глаза, сказал Миша.

– Отставить поиски истинных личин Гуриновича и Якимчука. Их хладные тела меня больше не интересуют. Займись обработкой технической информации. Установка такая: самолет рухнул сам. То есть либо отказ техники, либо ошибка пилотов.

– Сан Борисыч, – жалобным голосом сказал Миша. – Но

так же нельзя!

– Что такое? – удивился Турецкий.

– Ну смотрите сами: вы мне даете поручение, я пытаюсь его выполнить, тут вы появляетесь и командуете: отставить. И даете новое поручение. И так уже второй день. Я в результате так ничего не сделаю!

– А ты привыкай, Михаил. В Генеральной прокуратуре только таким образом и работают. – Ты на завод-изготовитель звонил?

– Само собой. Все Ту-154 выпускаются в Самаре, на заводе «Авиакор». Там есть такой человек – главный инспектор, с которым по таким поводам надо разговаривать. Так вот с ним бесполезно разговаривать. Он по поводу любой катастрофы говорит так: «Все параметры – условия полета, высота, продолжительность полета – и последствия взрыва говорят о том, что это не техническая неполадка». А вообще, по мнению специалистов, взрыв по техническим причинам на борту самолета может произойти только в том случае, если было возгорание или короткое замыкание в электропроводке. Однако и то и другое не может моментально привести к взрыву. О пожаре или замыкании пилот, как правило, успевает сообщить на землю.

– Миша, еще раз тебе говорю: о теракте забудь. Наше дело – техническая версия. Копай глубже. Ладно, я поехал, если что – звони мне на мобилу. Будут меня спрашивать – не знаешь, где я.

– Так я и не знаю.

– Я еду в аэропорт имени графа Шереметева.

Когда до Шереметьева-2 было еще минут двадцать езды, позвонил Грязнов. Вместо приветствия он сказал:

– Так, я не понял, а где спасибо?

– За вчерашнее? За баню? – спохватился Турецкий. – Спасибо, Славка, большое пионерское спасибо!

– То-то же. Значит, получилось? Ну я рад. Слушай, Саян, чего скажу. Стадо бизонов бежит со скоростью самого медленного бизона. Охотники охотятся на самых медленных бизонов. Из-за этого все остальное стадо бежит быстрее. Так и с алкоголем: алкоголь убивает самые медленные и слабые клетки в организме. Из-за этого весь организм начинает работать быстрее и лучше. Соображаешь, что к чему?

– Слава, рабочий день же только начался...

– А у меня он ненормированный, скучный ты человек, Турецкий. Ну ладно, я потерплю до вечера, бывай.

Через несколько мгновений Грязнов позвонил снова:

– Санек, прости, совсем забыл! Мне сегодня Меркулов чудный анекдот рассказал. Подходит Герасим к капитану «Титаника» и говорит: «Собачку на борт не возьмете?»...

Турецкий ехал в Шереметьево-2, чтобы поговорить с директором аэропорта господином Ивановым. Хотя можно было, конечно, вполне вызвать его на допрос в Генеральную прокуратуру, о чем Турецкий не преминул заметить господину Иванову в телефонном разговоре, так что пусть ценит

хорошее к нему отношение. И никуда не выходит из своего кабинета, пока к нему не заявится старший советник юстиции, старший следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры РФ собственной персоной.

На самом деле, Турецкий ехал в Шереметьево несколько по иной причине, в чем и сам себе пока не признавался.

Километров за пять до аэропорта он остановился возле голосовавшей молодой женщины, остановился единственно потому, что у нее немного шевелилась сумка. Это было импульсивное движение, но оно имело далеко идущие последствия. Когда та, не переставая благодарить, устраивала сумку на заднем сиденье, Турецкий спросил:

– Кто у вас там?

– Где?

– В сумке.

– Вы заметили? – удивилась женщина. – Надо же. Не бойтесь, не бомба. Карликовый пудель.

– Ага, – сказал Турецкий. – Далеко летите?

– Да так, не слишком.

– Дело ваше. А трудно с собакой лететь?

– Что же трудного, – удивилась пассажирка. – Я всегда с ней путешествую.

– Ну это, наверно, неудобно. Разве можно себя комфортно чувствовать, когда сам сидишь в салоне, а собака – в багажном отделении?

– Почему это – в багажном? Ничего не в багажном. На

коленях она у меня сидит. Правда, в клетке.

– Разве собак не сдают в багаж? – удивился теперь Турецкий. – Мне казалось, что так это делается. Скотчем пасть обматывают, чтоб не тявкала и – в багаж.

Пассажирка как-то странно на него посмотрела и сказала.

– Слушайте, может, вы меня высадите?

– Почему? Разве вы не спешите?

– Я не знаю, но... – замялась она.

– Тут немного осталось, потерпите, – успокоил Турецкий. – Я не буду вас скотчем обматывать.

Через несколько минут действительно подъехали к Шереметьеву-2. Турецкий выпустил пассажирку, не взял с нее денег, чем привел ее в еще большее замешательство, и припарковался на стоянке для служебного транспорта.

Теперь планы несколько скорректировались. Турецкий побродил по зданию, зачем-то поднялся на второй этаж, но так и не нашел того, что искал. Выпил в буфете кофе, съел бутерброд, сходил в туалет, затем спросил у проходящего мимо секьюрити, где расположена служба, контролирующая провоз домашних и не очень домашних животных. Секьюрити, дюжий детина, внимательно посмотрел на Турецкого и сказал:

– А вам зачем?

– А вам зачем? – в свою очередь сказал Турецкий. – На вопрос ответить можете?

– Могу. Пойдемте, я вас провожу.

Они спустились на первый этаж, прошли мимо всех терминалов, свернули в какой-то тусклый коридор и, наконец, вошли в помещение, где сидели три человека. Двое были в камуфляжной форме, а третий – в штатском. Он их за что-то отчитывал. Когда Турецкий вошел, штатский стоял к нему спиной.

– Вот, – сказал тот секьюрити, что привел Турецкого. – Поймал. Чего-то вынюхивал.

Турецкий разочарованно сообразил, что теряет время. Но тут штатский обернулся к нему, и Турецкий узнал Лебзяка – начальника службы безопасности аэропорта. Они виделись накануне. Лебзяк молча посмотрел на своего бдительного подчиненного, придерживающего Турецкого за локоть, и того как ветром сдуло. Остальных – тоже.

– Присаживайтесь, Александр Борисович, – вздохнул Лебзяк. – Чем могу служить?

– Только не говорите, что приказали своим подчиненным оказывать мне всяческое содействие и для этого раздали мое фото.

– Ну извините, что я еще могу сказать. Но вы же могли показать ему свое удостоверение.

– Если б он спросил, я бы так и сделал, – сказал Турецкий. – Где у вас тут зоологи и ветеринары?

– Простите? – не понял Лебзяк.

– Я ищу службу, контролирующую провоз домашних животных.

– А что, там у нас какое-то нарушение имеется? – забеспокоился Лебзяк. – Александр Борисович, не в службу, а в дружбу, скажите лучше сейчас, а. Мне же положено это знать, а выходит, мои архаровцы проморгали. Что там случилось?

– Пока не знаю, – мстительно сказал Турецкий. – Так где этот офис?

– Пойдемте, я вас провожу.

– О господи! Почему тут все хотят меня проводить? Просто скажите – где.

– Налево по коридору, сто двенадцатая комната.

Лебзяк, наверно, сейчас доложит директору, что снова приехал следователь из Генпрокуратуры. А Иванов и так его ждет. Вот и пусть ждет.

В указанной комнате, во избежание недоразумений, Турецкий уже действительно сразу представился. Пожилая полная женщина в синем костюме назвалась старшим инспектором Варенцовой.

– Я вас хочу сразу успокоить, – сказал Турецкий. – У меня нет никаких претензий к вам, никаких кляуз. Я просто изучаю некую гипотетическую ситуацию. Вот скажите, если я хочу провезти домашнее животное, что для этого нужно?

– Первым делом сообщите о своем желании оператору при бронировании места или покупке авиабилета. И, конечно, ознакомьтесь с правилами ввоза животных в страну назначения. Потому что для перевозки животных за рубеж

необходимо оформить ветеринарное свидетельство...

– Нет-нет, поездка будет внутри нашей страны.

– Тогда вообще все просто.

– Что же нужно?

– Вот смотрите, я вам зачитываю. «Для перевозки животных и птиц пассажир обязан иметь контейнер или клетку достаточных размеров».

– Контейнер? – удивился Турецкий.

– С доступом воздуха, разумеется. Дальше. «Дно контейнера (или клетки) должно быть водонепроницаемым и покрытым абсорбирующим материалом. В порядке исключения допускается перевозка животных и птиц в плотно закрываемых корзинах».

– А есть какие-то конкретные требования к собакам?

– Разве что только относительно тары. Размер клетки для собаки должен позволять животному вставать в полный рост и поворачиваться на триста шестьдесят градусов. То есть не бегать внутри, конечно, но свободно крутиться, чтоб не отлежать там себе ничего. Мало ли сколько полет продлится.

– Я тут встретил одну знакомую с собакой, – сказал Турецкий. – Она меня уверяла, что клетку в багаж не сдает. Такое может быть?

– Только в том случае, если вес животного с клеткой не превышает пять килограмм. Что у нее за собака?

– Карликовый пудель.

– Ну это еще куда ни шло. А вообще-то, конечно, обыч-

но путешествие для зверей предусмотрено лишь в багажном отсеке. И еще важно – в клетке должно быть только одно домашнее животное.

– А как рассчитывается стоимость билета? – заинтересовался Турецкий, сам не зная зачем. А впрочем, кто знает, что день грядущий нам готовит? Может, чем черт не шутит, они с женой наконец уступят дочери и заведут какую-нибудь тварь четвероногую?

– Вес животного и контейнера, – сказала Варенцова, – для его перевозки не включается в норму бесплатного провоза багажа.

– То есть оплачивается дополнительно, как ненормированный багаж?

– Совершенно верно. Да, чуть не забыла! Не забудьте захватить с собой ветеринарную аптечку, консервы и сухой корм для кормления животного в пути.

– Обязательно, – сказал Турецкий. – Хорошо, что напомнили. Большое спасибо.

– Подождите, подождите! У нас еще есть льготы!

Это было любопытно. Турецкий остановился:

– Для кого льготы – для хозяина или собаки?

– Кто платит, для того и льготы, – резонно ответила инспекторша. – Бесплатно перевозятся собаки-поводыри, сопровождающие своих хозяев в полете.

– Очень ценные сведения, – не смог не согласиться Турецкий. – Всецело надеюсь, что они мне пригодятся. А скажи-

те, если бы я перевозил какое-нибудь маленькое животное, можно было бы обойтись без клетки? Допустим... ну, допустим, хорька?

– Если ваш хорек живет в квартире, – без тени улыбки сказала инспекторша, – пользуется городской поликлиникой для животных, имеет паспорт, то он будет допущен к путешествию с хозяином при соблюдении правил перелета и санитарных норм.

– Огромное спасибо, вы мне очень помогли. – Турецкий встал. – Кстати. А если поездка внутри страны, но на транзитном самолете, следующем за рубеж? Тогда как? Нужна справка от ветеринара?

– Кажется, да.

На что я, собственно, рассчитываю, ругал себя Турецкий, извлекая из бумажника карточку, которую дал президент. Одиннадцать телефонов для экстренной связи. Какой набрать? Первый. Турецкий назвал свою фамилию, и его попросили подождать. Минуту спустя тот же голос сказал:

– Вам перезвонят через час, ждите.

Ну ладно, фиг с ним. Зато дома можно будет похвастаться. Не он звонил президенту, а президент ему... Ну что теперь? Опять в буфет?

Когда Турецкий взял себе сто пятнадцатую чашку кофе, сзади раздался чуть удивленный женский голос:

– Гражданин Турецкий, если не ошибаюсь?

Турецкий обернулся. Ирина Васильевна Богучаева, руко-

водитель пресс-службы Шереметьева-2 собственной персоной. И между прочим, без своих дурацких очков. Наверно, это было только средство защиты от Генпрокуратуры. Рядом с Богучаевой был еще один недавний знакомец – корреспондент ИТАР-ТАСС Игнатьев. Кажется, Андрей Николаевич. Очень интересно. Турецкий сделал широкий жест рукой: прошу, мол, за мой столик.

Игнатьев тут же сказал:

– Ну мне пора.

Ну уж нет.

– Подождите, Игнатьев. Не хотите мне рассказать, чем это вы тут заняты?

На лице Богучаевой отразилось явственное возмущение, на лице Игнатьева – нешуточный испуг. Кажется, он возомнил, что за ним следят. Не стоило лишать его иллюзий.

– Не заставляйте меня терять время. Все равно же узнаю.

– Я Баткина встречаю, – буркнул корреспондент ИТАР-ТАСС.

– Нобелевского лауреата? – удивился Турецкий. – Его что, кроме вас, некому встретить?

– Вообще-то, похоже на то, – оживился Игнатьев.

– Как это?

– Ну вручение премии освещалось и в прессе и вообще. А вчера я предложил сделать материал о приезде, так сказать, героя на родину, а мне начальство запретило.

Богучаева, видно, слышала это уже не в первый раз и оста-

лась безучастна. А Турецкий удивился повторно, но сказал:

– Ну ничего, когда ваше начальство увидит и прочитает его пресс-конференцию в аэропорту – локти себе искусают.

– В том-то и дело, – сказал Игнатьев. – Никого здесь нет, никаких журналистов, никаких встречающих. А самолет из Стокгольма будет через полчаса. Чудеса. Ну ладно, я пойду.

– Все вынюхиваете? – насмешливо, хотя и непонятно о чем, сказала Богучаева. – Только не говорите, что работа такая.

– А если она мне нравится? – спросил Турецкий. Вот теперь он признался себе, зачем сюда поперся, старший советник юстиции собственной персоной. Он просто хотел еще раз увидеть эту женщину. Еще одна Ирина на его голову. Хорошо это или плохо?

А она молчала, рассматривала Турецкого, изучала. Потом сказала:

– Здесь так себе кофе. Пойдемте, я вас угощу.

Почему нет, подумал Турецкий, не на это ли я и надеялся?

– У нас тут есть общепит для сотрудников, – говорила Ирина Васильевна, поднимаясь вместе с Турецким на эскалаторе. – Мы его называем – спецбуфет.

– А в Москве есть такое заведение, – заметил Турецкий.

– Вам виднее, наверно, в министерствах всяких, генпрокуратурах...

– Да нет, вы не поняли, есть такое злчное место – «Спецбуфет No 7». Ресторанчик, очень симпатичный. Стилизован

под двадцатые годы. Это на улице Серафимовича, в Доме на набережной. Понимаете, о чем я говорю?

– Я потомственная москвичка, – обиженным тоном сообщила Ирина Васильевна. – Вот сюда заходите.

Они оказались в небольшом помещении, где первый же взгляд на сервировку столов сообщал заинтересованному наблюдателю, что обслуживают тут обстоятельно и с любовью.

А Иванов между тем ждет, подумал Турецкий. Ну и плевать.

– Что закажем? – поинтересовался Турецкий. – По случаю такой встречи можно бы и...

– Я ничего, кроме кофе, не буду, – сразу внесла ясность Ирина Васильевна.

Сто шестнадцатая чашка, вздохнул про себя Турецкий и весело заказал два кофе.

– Ирина Васильевна, позвольте вас называть Ирой?

Она кивнула.

– Ирочка, у вас есть собака?

– Почему собака? – удивилась Богучаева.

– А почему нет?

– Просто мне казалось, вы хотите за мной приударить.

От такой откровенности Турецкого не то чтобы покорибило, но все-таки...

– Это мой способ ухаживать. Просто обычно я сперва вызываю девушку на допрос, потом спрашиваю, есть ли у нее

собака. Если выясняется, что нет, я дарю ей щенка...

– И потом женитесь на ней. – Ирина кивнула на обручальное кольцо на руке Турецкого. – Правильно?

– Ну примерно.

– Сколько же у вас жен, гражданин следователь? И сколько собак?

Ответить Турецкий не успел, ожил мобильный телефон. Он глянул на дисплей, номер не определялся.

– Да?

– Александр Борисович? Как только мне сказали, что вы звонили, я тут же перезвонил. – Это был президент.

– Видите ли... – Турецкий назвал президента по имени отчеству, – я хочу узнать, была ли у вашей собаки справка и клетка. К расследованию обстоятельств аварии это, собственно, отношения не имеет, но все-таки хотелось бы...

– М-мм... – сказал президент. – Вообще-то, я не уверен, но... Подождите. А какая, собственно, справка?

– Медицинская. Ветеринарная. Так положено.

– И клетка тоже положена?

– Мне так объяснили в специальной службе.

– Первый раз об этом слышу.

– Вы раньше летали со своим псом?

– Обижаете, Александр Борисович! Он со мной весь мир объездил.

– Но это всегда было на вашем личном транспорте, правильно?

– Ну да.

– Вот видите. А в общедоступной гражданской авиации совсем иные правила.

Президент помолчал, проглатывая пилюлю. Потом сказал:

– Знаете что, я спрошу у жены и вам перезвоню, не отключайте телефон, хорошо?

– У человека, с которым вы говорили, очень расхожее имя-отчество, – заметила Богучаева.

– Да, я тоже обратил внимание, – улыбнулся Турецкий.

– Хотите еще кофе? – предложила она. – Я угощаю.

– Боюсь, – сказал Турецкий, – я не могу себе этого позволить. – Он имел в виду здоровье, и в частности – состояние пульса, но не уточнять же такие несимпатичные детали.

Две минуты спустя президент перезвонил:

– Знаете, Александр Борисович, это очень странно, но ее не было.

– Чего именно? Справки или клетки?

– И справки и клетки. То есть я хочу сказать, что, когда Семенов забирал Флипа, супруга ему ничего такого не давала. Я думаю, что он все это сам сделал.

– Он не звонил ни вам, ни супруге из Шереметьева?

– Нет, я специально сейчас у нее спросил. Догадался, что вы захотите это знать, – похвастался президент.

Турецкий бросил взгляд на Ирину. Ирина усердно рассматривала кофейную гушу.

– Последний вопрос, – попросил Турецкий. – В двух словах – о Семенове. Сколько ему было лет, предыдущее место работы?

– Лет около сорока, я точно не помню. Он военный моряк, подводник, мичман в отставке. Я могу прислать вам его личное дело. Только к чему это?

– Интересно, а как он к вам попал?

– Это долгая история. Давайте я все же пришлю...

– А если в двух словах?

– А если в двух словах – это родственник моей жены. Но учтите, дальний, очень дальний!

Турецкий поблагодарил и повесил трубку.

– Вы странно за мной ухаживаете, – несколько обиженно заметил Ирина.

– Это входит в мой метод, – успокоил Турецкий.

Однако забрезжила надежда. Как-то это было странно.

Хотя что же странного? Сановная супруга не обязана была знать об аэропортовских правилах. А мичман, очевидно, привык выполнять указания, не вдаваясь в нюансы типа – возможно ли это вообще сделать. Военная косточка. Партия сказала «надо» – комсомол ответил «есть». Партия – жена президента, комсомол – мичман. Так. Но если он приперся с псом в аэропорт, если даже купил на него билет, но все равно был без клетки и ветеринарного свидетельства, то его не пустили бы ни за что! Ведь никто же не знал, что это собака президента, а то, конечно, ей бы расстелили красную дорож-

ку и кормили бы бутербродами с черной икрой. Но ведь никто не знал, что это президентский пес! Или знал? Семенов был на борту Ту-154 – это Турецкий знал наверняка: Семенов прошел регистрацию, он был в списках пассажиров, в обоих причем – и в настоящем, и в подложном, состряпанном по указке ФСБ. ФСБ не знает, кто такой Семенов, им на это плевать.

Что же получается? Замкнутый круг? Семенов не может полететь без Флипа, это у Флипа опухоль, а не у Семенова. Но между тем Семенов летит, и летит без Флипа, потому что Флипа без справки и клетки ни за что не пустили бы. Но Семенов привык выполнять приказ, он скорее бы не полетел вовсе, чем полетел один... хотя психология его недоступна, но предсказуема, – скорее всего, он как-то воспользовался своим положением (хотя президенту и не звонил) и протащил пса на борт. Значит, Семенов летит, и летит с Флипом. Так что псу под хвост все надежды... Как там Иванчук говорил? В израильских аэропортах «ни одна букашка не прощмыгнет, не то что крупный зверь»? Если Семенов протащил-таки собаку на борт, то, значит, об этом инциденте знает кто-то из начальства.

– ...Тогда этот Лялюшенко, когда наши его застукали, представляете, и говорит...

Отвлечшись на свои размышления, Турецкий не сразу сообразил, что Ирина все это время что-то рассказывала.

Тут Ирина вздрогнула. Турецкий проследил ее взгляд и

увидел, что к ним идет директор аэропорта Иванов. Лебзяк донес, понял Турецкий. На лице Иванова была смесь испуга и фальшивого радушия.

– Я вам ничего не говорила, – шепнула Ирина.

Почему не говорила, что именно не говорила – хотел было спросить Турецкий, но не успел.

– Александр Борисович, а я уж вас заждался, – сказал Иванов. – Но вижу, вам Ирина Васильевна составила компанию. Кстати, чрезвычайно перспективный работник, чрезвычайно. – Одним глазом Иванов улыбался Турецкому, другим прогонял Ирину. – Ну что, пойдете ко мне?

– Зачем же, – спокойно возразил Турецкий, – у вас и тут вполне уютно.

– Рад, что вам нравится. – Иванов уселся за столик, Ирина одновременно встала. – Может быть, хотите кофе?

– Я вот тут расспрашивал Ирину Васильевну о порядке провоза домашних животных. – Турецкий попытался вспомнить, как зовут Иванова, и не смог.

Реакция была неожиданной. Оба – и директор, и Ирина – буквально побелели.

– Ирина Васильевна, – пробормотал Иванов, – ну я же просил вас, неужели это так трудно?! Зачем же за моей спиной? Вы думаете, у Генеральной прокуратуры нет других забот, как разбирать наши внутренние неурядицы?!

Богучаева молчала, и Турецкий вмешался, сообразив, что как-то невольно ее подвел.

– Простите... – Как же все-таки его имя-отчество?! – Но Ирина Васильевна мне ничего не сообщала о «ваших внутренних неурядицах». Просто я собираюсь в отпуск и хочу взять с собой собаку. А что, ваши проблемы разве как-то связаны с домашними животными?

– Да смешно говорить, Александр Борисович, – махнул рукой Иванов. – Просто в нашем дружном коллективе завелся мелкий мошенник, но мы его вовремя обнаружили и... мм... нейтрализовали. Вот. Сейчас этим делом занимаются сотрудники местного линейного отделения милиции, так что не беспокойтесь. У нас с вами, к сожалению, есть проблемы поважнее и нет времени, чтобы на такую мелочь отвлекаться.

– Отчего же, я с удовольствием послушаю.

– Ну что вы, право, не знаю, стоит ли такого занятого человек отвлекать...

Таким образом они препирались еще несколько минут. Наконец Турецкий выяснил следующее.

Сегодня в аэропорту был арестован некий Станислав Лялюшенко, водитель багажной тележки, доставляющий багаж от терминалов непосредственно к самолетам...

На этом месте Турецкий сообразил, что Ирина таки что-то говорила ему как раз о человеке по фамилии Лялюшенко.

...Особого вдохновения работать за зарплату Лялюшенко, очевидно, не испытывал и занялся не совсем законным бизнесом. Лялюшенко был пойман с поличным, когда воровал багаж. Но и просто воровать багаж было рискованно:

Шереметьево издавна славилось такого рода кражами и контроль за чемоданами был очень серьезным. Однако Лялюшенко обнаружил, что то же самое нельзя было сказать относительно другого вида багажа – одушевленного, царапающего и кусающегося. Зверье, путешествующее в багажных отсеках самолетов, особому контролю не подвергалось. Лялюшенко вошел в сговор со смотрителем карантина...

На этом месте заинтересованно слушавший Турецкий прервал Иванова:

– Что за карантин?

– Ну как же. В каждом аэропорту – и у нас, разумеется, – есть отдел контроля за провозом животных. Там решаются все спорные и нестандартные вопросы. А в карантине содержатся животные, которые по разным причинам не могут быть немедленно возвращены владельцам. Скажем, если животное приехало из какой-то экзотической страны и должно просидеть в карантине некое контрольное время. Это такой наш маленький зоопарк. Так вот, этот жук Лялюшенко основал тут свой бизнес. Воровал животных – тех, кого мог продать, или на кого у него был заказ, уж я не знаю, с этим сейчас ваши коллеги разбираются, – и передавал зверя в карантин своему сообщнику, где животное содержалось некоторое время.

– А где сейчас эти звери, которых он воровал? – подчеркнуто равнодушно спросил Турецкий.

– Это уж, как говорится, следствие разберется, – засмеял-

ся Иванов. – Большинство, видно, продано уже. С карантинном это он ловко придумал, надо отдать должное, кому же в голову придет там искать? Да только, когда его поймали, он тут же сам и раскололся – не учел собственный человеческий фактор!

Так вот почему секьюрити отвел его, Турецкого, к своему шефу, как только он, Турецкий, заикнулся о домашних животных. И это же объясняет испуг Лебзяка, когда Турецкий спросил, где же этот «зоологический» отдел находится. Наверно, решил, что, ко всем бедам, Генпрокуратура заинтересовалась еще и этим делом.

– А вы ходили в этот карантин? – спросил Турецкий. – После того как поймали этого натуралиста?

– А как же! Вот с Ириной Васильевной сегодня вместе и ходили.

– Ну и остался там еще кто-нибудь?

– Только то, что они последний раз умыкнули. Два удава и собака.

– Собака, – прищурился Турецкий, – конечно, стаффорд-ширский терьер?

– Откуда вы знаете?! – оторопел Иванов.

– Я же вам говорил, что я знатный собачник. Ну пойдемте в ваш зоопарк. Я бы хотел на него взглянуть.

...В клетке сидел зверь с белой короткой и блестящей шерстью. Это была крепко сбитая, мускулистая, но в то же время изящная и проворная собака. Но страшнее всего вы-

глядела голова на массивной, чуть изогнутой шее. Резкий переход ото лба к морде. Короткие уши стояли торчком. Широко расставленные черные круглые глаза смотрели одновременно настороженно и угрожающе. Черный кончик носа слегка подрагивал. Челюсти совершенно жуткие, и крокодил бы позавидовал.

– Дай, Флип, на счастье лапу мне, – сказал Турецкий. – Сукин ты сын.

Когда Турецкий появился в Генпрокуратуре, Меркулов был на совещании у генерального. Миши Федоренко тоже не было на месте. На столе у него, как всегда, были разбросаны бумаги. Турецкий взял одну:

«Ту-154, размеры: длина 47,90 м; размах крыла 37,55 м; высота 11,40 м; площадь крыла 201,45 кв. м (площадь крыла без наплыва 180,01 кв. м); размах горизонтального оперения 13,40 м; максимальный диаметр фюзеляжа 3,80 м; база шасси 18,92 м; колея шасси 11,50 м. Ширина пассажирского салона 3,58 м, высота до 2,02 м. Экипаж 3 человека; пассажиров 180 человек (салон выполняется в 3 компоновках – на 154, 164 и 180 мест, в данном случае – 154)».

– Серьезно к делу подходишь, молодец, – сказал он Федоренко, когда тот появился. – Нашел что-нибудь?

– Да как сказать, – замялся Миша.

– Ну тогда отбой, можешь считать, что дело закрыто.

– Сан Борисыч! – У Миши даже слезы на глаза навернулись. – Да как же это?! Я же только начал!

– Ничего не могу поделать, – вздохнул Турецкий, как бы грустно, а на самом деле радостно. – Мы свою часть работы выполнили, остальное за фээсбэшниками. Приготовишь мне отчет – и отдыхай.

Турецкий решил не ждать приема у начальства, а нарушить субординацию и ехать в Кремль. Но по дороге не выдержал и позвонил Меркулову. Меркулов сказал:

– Саша, я на совещании, перезвони в другое время.

– Костя, это важно, я должен тебе что-то сказать, это касается дела о президентском псе. То есть, пардон, об авиакатастрофе.

– Только покороче.

– Вот слушай. "Звонит телефон, но, кроме собаки, в доме никого нет. Пес берет трубку и говорит: «Гав!» – «Кто это говорит?» – «Гав!» – «Вы не можете говорить отчетливее?» – «Повторяю по буквам: Генрих, Анатолий, Вольдемар!»

Турецкий остановился, купил свежие «Известия». Полистал. Вот же ж блин. Язык у них без костей.

«Глава государства и Патриарх Московский и Всея Руси приняли сегодня участие в панихиде по погибшим в авиакатастрофе Ту-154. Во время панихиды в храме-часовне державной иконы Божьей Матери на территории храма Христа Спасителя патриарх помолился об упокоении душ погибших в этой авиакатастрофе. Обращаясь к Президенту РФ, заявил: „Мы будем молиться, чтобы Господь дал вам много сил и энергии, чтобы совершать дела на благо России“. В церемо-

нии также принимали участие...»

– Александр Борисович, вы случайно не левша? – с надеждой в голосе спросил президент.

– Нет.

– Но левой рукой как, вообще, нормально владеете?

– Да ничего, в общем.

– Вот. – Президент вручил Турецкому красную коробочку. – От чистого сердца! Вы не представляете, как я и наша семья вам признательны.

Интересно, что там, подумал Турецкий, коробку, впрочем, не открывая. Дело-то было частное, не может же он мне орден за него дать? Или как в той рекламной рассылке – «медальку на ошейник»? А вдруг у него для таких случаев отчеканены личные ордена? Скажем, «За заслуги перед президентской семьей»?

– Спасибо. Могу я задать вопрос?

– Конечно, все что угодно!

– Я хотел спросить о Баткине.

– О ком?

– Об академике Баткине, нобелевском лауреате. Вы с ним знакомы?

– Да, – сказал президент. – Я... он...

– Просто как-то это некрасиво. Я сегодняшнюю газету смотрел, когда к вам ехал, – нигде ни полслова. А ведь всего три дня прошло с момента вручения.

– Александр Борисович, перестаньте, пожалуйста, – вдруг

сказал президент.

– Что? – удивился Турецкий.

– Вы же все отлично поняли. – Президент поморщился, как от зубной боли. – Я так и знал, что мы проколемся.

Турецкий счел за благо промолчать. Президент считает, что он что-то понял, ну пусть себе считает. Объяснит, в чем дело, – ладно, нет – тоже хорошо, количество государственных тайн обратно пропорционально здоровому сну.

– Я вам очень признателен, Александр Борисович, что вы, с вашим тактом, сочли возможным выразить это в такой деликатной форме, и вообще... Черт, – он неожиданно экспрессивно выругался. – Я же знал, что не получится, я же говорил им!

– Может быть, расскажете, как все было? – предложил Турецкий подчеркнуто спокойным тоном.

– Александр Борисович, дорогой! С удовольствием! Вы не представляете, как меня это тяготило!

– Ну так облегчите душу, – посоветовал Турецкий, сам удивляясь собственной наглости.

– Хорошо! Это актер.

– То есть? – не понял Турецкий.

– Это не Баткин. Это не академик. Это был актер. Специально подготовили человека, который вместо него в Швецию ездил, нобелевскую речь произносил и все такое.

– Да не может быть.

– Увы.

– А где настоящий Баткин? – Турецкий поймал себя на том, что не слишком-то удивлен этой фантастической историей. Но Ирина Генриховна, Ирка-то какова?! Она же сразу сказала, что это не Баткин!

– Он исчез. За два дня до вручения премии. Александр Борисович, его надо найти, и срочно, иначе разразится грандиозный скандал, на весь мир! Кто-нибудь все равно пронюхает. И потом, этот актер, он же не сможет руководить институтом!

– Подождите, подождите. – Турецкий помотал головой. – Это что же, за два дня успели подготовить человека, который как две капли похож на Баткина, говорит его голосом и в науке разбирается? Да как такое возможно?!

– С нашим ФСБ и не такое возможно. Это-то они могут, сделать нового человека – пожалуйста. А вот найти настоящего Баткина – кишка тонка. Александр Борисович, – голос президента стал торжественным, – я хочу поручить вам это дело. Найдите стране Баткина! России нужен Баткин!

Почему, когда политики начинают говорить лозунгами, подумал Турецкий, они становятся гораздо уверенней в себе?

– Но вы же не могли не понимать, что подлог раскроется! На что вы рассчитывали?

– На то, что Баткина найдут, – уныло сказал президент. – Просчитались. Понимаете, меня уверяли, что найдут! И кроме того, мы же не могли так оскандалиться перед Западом.

Уже в машине Турецкий открыл подарок – красную коробочку. Там лежали золотые часы с надписью «Президентские». Турецкий несколько раз пытался надеть президентский подарок себе на руку, но всякий раз цифра «XII» оказывалась внизу, а «VI» – вверху. Наконец он понял, что это часы для правой руки, то есть для левшей. Снял и положил в бардачок. Там же валялась бумага следующего содержания:

«Особым распоряжением Президента Российской Федерации и по рекомендации Совета безопасности для расследования исчезновения академика Н. Л. Баткина создается следственно-оперативная группа с чрезвычайными полномочиями и в составе: старшего следователя по особо важным делам при Генеральной прокуратуре России, старшего советника юстиции Турецкого А. Б. и начальника Московского уголовного розыска генерал-майора Грязнова В. И...»

Ну и так далее.

Часть вторая

ПРОФЕССИОНАЛ

Я убиваю людей. Я думал, я был уверен, что все про это знаю. Господи, да я десятки раз это делал. Но я всегда находился с другой стороны ствола. Нет, лучше вспомнить все по порядку.

...Я не люблю дождь. Я ненавижу зонты. Я всегда ненавижу дел зонты.

Я смотрел на свои работающие «дворники» и прикуривал сигарету. Это было так уютно – сидеть в дождь в хорошей, комфортной машине и чувствовать себя абсолютно защищенным. Что еще надо для счастья? Ничего. Если вам вообще что-то нужно для счастья – это значит, что вам его не видать никогда. Тот, кто считает, что для счастья необходимы какие-то составляющие, – глупец, и ему никто не поможет. Разве что кроме меня. Потому что в конце концов всегда появляюсь я и помогаю расставить точки над "и". Или кто-то вроде меня, какая разница?

Это был вечер, половина одиннадцатого, я припарковался в тупике безлюдного переуллка, заглушил двигатель и выключил фары. Ждал я недолго, потому что точно знал график движения своего объекта. Как и предполагалось, спустя четверть часа он появился – по улице, пересекавшей переулок,

промчалась красная «мазда», совпадение тут было маловероятным. Я завелся и поехал следом. Проверил его номера, все было точно.

Через полчаса мы доехали до пристани, неподалеку от Водного стадиона, я знал, что там у него предполагается встреча, но не сейчас, а в двенадцать ночи. Он поторопился, возможно хотел осмотреться, и это было мне на руку, это чрезвычайно меня устраивало. На скорости пятьдесят пять километров в час я ударил его своим «лендровером», так, чтобы «мазда» не опрокинулась в воду (там был небольшой бортик), но ее водитель получил хорошую встряску и потерял концентрацию. Так и произошло. Я тут же вышел из машины (все-таки ненавижу дождь), открыл дверь «мазды» и ударил водителя рукояткой пистолета-пулемета ПП-93. А мужик, между прочим, уже доставал ствол. Все-таки неплохая была реакция у покойника, жаль только, теперь это никто не оценит.

Нет, о чем это я, – еще не покойника.

Я переложил себе в карман выпавший у него из руки ствол. Приставил к голове ПП-93 и выбил ему мозги на боковое стекло.

Вот теперь – у покойника.

Потом положил ствол (калибр 7,62, магазин на 35 патронов, 450 выстрелов в минуту) в кабину, как если бы он выпал у него из руки. Сделал отпечатки его пальцев, само собой.

Я осмотрелся. Вокруг по-прежнему было ни души. Все-

таки погода отвратительная, надо сознаться. В такую погоду работать – настроение не поднимает. Я заглянул труп в лицо: выстрел его не затронул, и оно сохранило удивленно-обиженное выражение. На коленях у трупа лежал «Спорт-экспресс», там было интервью с отцом хоккеиста «Детройта» Федорова, в котором он (отец) возмущался, что его сына, центрфорварда, перевели в защиту. Я его уже читал, интервью и впрямь было необычное, так что если бы меня кто-то подсек в момент такого чтения, то и у меня рожа была бы не лучше. Хотя мне тогда уже было бы плевать. Интересно, а ему плевать? Или он сейчас наблюдает за всеми нами – за мной, за своей ненадежной дырявой оболочкой, за папой Сергея Федорова? Когда-нибудь я это узнаю, а сейчас не время для лирики.

Я проверил его карманы. Деньги оставил, документы на имя помощника депутата Госдумы Степанова забрал. Среди прочих ксив там была корочка сотрудника ФСБ, фальшивая, я это знал наверняка. Кто знает, может, пригодится, ее я сунул отдельно.

Потом я снова сел за руль и закончил начатое – откатился и опять стукнул «мазду». Вот теперь она действительно упала в воду. Падала машина красиво, переворачиваясь в воздухе и пуская широкие круги на воде. Как говорил один знакомый профи, стоящие парни умирают молодыми, а лучшие из них делают это некрасиво. Какой-нибудь режиссер боевика небось дорого бы дал за такой кадр. Но я получил доста-

точно, чтобы задумываться о таких пустяках.

Вообще— то это было довольно глупо -имитировать, что водитель «мазды» застрелился, учитывая, что машину его сбросили в воду насильственно, это любой грамотный криминалист по вмятинам в два счета определит. Но заказ есть заказ, заказывает музыку тот, кто платит. Да и потом, где гарантия, что его вообще найдут?

Черт его знает, что он сделал, этот тип в «мазде». Или чего он не сделал из того, что должен был. Не знаю и знать не хочу. Моя работа заключается в том, чтобы избавлять людей от лишнего знания, так что мне слишком хорошо известно, к чему приводит избыточная эрудиция. А в телевикторинах я играть не собираюсь.

Моя работа была сделана, и сделана чисто. Я повернулся спиной к трупу и лицом в городу. Ночные огни свидетельствовали, что он, как всегда ночью, жил своей равнодушной и лицемерно праздничной жизнью. Пожалуй, стоило к нему присоединиться.

Три дня спустя, сменив машину, сняв цветные контактные линзы и перекрасив волосы в свой обычный цвет, я притормозил у массивного трехэтажного особняка на Николиной Горе. Это не был дом в новорусском стиле — никакого идиотского красного кирпича, башенок и фонтанов, тут архитектор поработал со вкусом. Я знал, что видеть меня там рады не будут, но мне было плевать. Дождь, кстати, шел по-прежнему, словно и не прекращался.

Дверь открыл маленький человек в черной рубашке с закатанными рукавами. В верхней челюсти у него посверкивали два железных зуба. Он уставился на меня и через некоторое время выдавил:

– Ты что здесь делаешь?!

– Ты очень гостеприимен, Жора, – сказал я, нежно отодвигая его плечом и проходя в дом. За мной по зеркальному паркету потянулись длинные грязные следы, что доставило мне определенное удовольствие.

Маленькому ублюдку ничего не оставалось, как ответить:

– Подожди внизу. – Он отправился докладывать о дорогом госте.

Черта с два я стал его слушать. Я отправился на кухню, взял себе пива «миллер», потом спустился в подвал, там была бильярдная. Когда Жора снова нашел меня, я уже осушил банку и закатил пяток шаров. Жора пробурчал, что Босс сейчас занят, у него важный гость, и чтобы я не стеснялся и взял себе на кухне пива. И тут же смылся.

Я знал, где Босс принимает гостей – в библиотеке. И я знал, что туда есть два тайных входа, из каждого из которых можно вести наблюдение. И я также знал, что об этом моем знании никто не догадывается. Если предположить, что Жора тоже находится в библиотеке, можно рискнуть.

Мне повезло. Низкорослый урод разливал спиртное по двум стаканам, – похоже, это было виски. А на столике из черного мрамора стоял еще дымящийся серебряный кофей-

ник. Однажды я видел такой в антикварном на Арбате, очень приглянулся, хотя обычно я равнодушен к такого рода ба-рахлу, хотел даже купить, да раздумал: куда мне его девать с моей-то жизнью? Его тоже придется постоянно перекрашивать, чтобы не засекли. Шутка.

Библиотека в доме была немаленькая – Босс говорил, около двадцати тысяч томов теснились на полках орехового дерева. Но последнее время, мне кажется, ею не слишком пользовались по назначению, хотя Босс был изрядный книго-человек. Здесь он принимал конфиденциальных гостей.

Сейчас вид у Босса был неважнецкий. Рожа помята, очки, против обыкновения, были не на носу, а болтались на шнурке поверх домашнего халата.

Напротив Босса сидел мужик лет сорока пяти, не больше, азиатской внешности. Ноги он держал на столе из черного мрамора. Никогда прежде я его не видел. Не то узбек, не то таджик, не то еще какой-то араб. Но уж больно европеизированный. Двубортный костюм сидел на нем получше, чем на мне. Однажды я уже мельком видел его. Мы с Жорой за глаза называли его Азиатом. Азиат говорил:

– Черт возьми, ну о чем ты думаешь, а? А о чем она думает? Миллион долларов! Как людям вообще такие цифры в голову приходят?!

– Я все контролирую, – возразил мой Босс. Но кажется, не слишком уверенно. По крайней мере, Азиата эти слова не убедили. Он поменял ноги местами, наверно затекли.

– Ты слишком много говоришь. Ты думаешь, прости Аллах мне такие слова, своим членом, а не головой. Нужно было ей ребенка сделать, у нее слишком много свободного времени. А теперь поздно.

– Я справлюсь. – Босс вскочил и нервно пробежался по библиотеке. Выглядел он паршиво. Круги под глазами, веки опухшие, наверняка не спал, да еще, как водится, за воротник закладывал.

– Да? Твоя жена сбежала с важной информацией. Присылает письма с требованием выкупа. Она шантажирует нас, тварь продажная! Она все ставит под угрозу. Мы не можем этого допустить. Теперь тебе придется дом заложить. У тебя же нет больше денег. – Азиат опять поменял ноги местами. – Или я ошибаюсь?

Один доктор однажды посоветовал мне в конце дня стоять на голове или хотя бы позадирать ноги – для оттока крови, скопившейся за день, чтобы сосуды нормально функционировали. А то с моей-то работкой, когда сутками можешь в засаде кого-то ждать, и не всегда сидя или лежа, очень даже просто можно себе какой-нибудь гнусный варикоз заработать. Вот тогда-то я и понял, отчего это американцы так любят ноги на стол задирать. Ушлый Азиат, очевидно, тоже был в курсе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.